

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА **Ф. ПАВЛЕНКОВА**

Г. А. ПОТЕМКИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. В. Огаркова

Съ портретомъ Потемкина, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ОБЕРТКА ПЕЧ. ВЪ ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВ. ТОВАР. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

Бол. Подъяческая, 39.

1892

[redacted]

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Г. А. ПОТЕМКИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. В. Огаркова

Съ портретомъ Потемкина, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Гедановъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ОБЕРТКА ПЕЧ. ВЪ ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВ. ТОВАР. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», Бол. Подьяческая, 39.

1892

Потемкинъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Ogarkov, V.

Г. А. ПОТЕМКИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. В. Огаркова.

Съ портретомъ Потемкина, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1892.

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена, профессора Лозан университета. Съ франц. Ц. 1 р.

МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.

РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис Ц. 1 р. 50 к

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Пер съ 5-го итальян. изд. Ц 1 р. 50 к.

ПРОГРЕССЪ НРАВСТВЕННОСТИ. Летурно. Перевела съ франц. Эл. Зауеръ. Ц. 1 р. 50 к.

УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМИИ. Д-ра Реньяра. Перевела съ франц. Эл. Зауэръ. Съ 110 рис Ц. 1 р. 75 к

КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Провѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнеч. часовъ. Съ 13 рис Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к

СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярные очерки міровѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламмаріона Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренье. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. В. Чиколева. съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЧУДЕСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В Чиколева. Ц. 30 к.

О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В. Чиколева. Ц. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ А. Гано и Ж Маневрье. Перев Ф. Павленкова, В Черкасова и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколева. Ц. 75 к.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦИИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ Д ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.

ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопатина, Ц. 75 к.

ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа, съ 8 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.

ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго Съ 72-мя рис. Ц. 60 к.

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Сост. Г. Тисандье. Съ рис. Переводъ съ французск. Ц. 50 к.

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.

ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста. Съ нѣм. 704 стр., 43 рис. Ц 3 р. 50 к

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

БЕРЕГИТЕ ДѢТЕЙ! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 80 рис. Ц. 75 к.

ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ. А. Брема. (Дополненіе къ „Жизни животныхъ"). Со многими рисунками Цѣна 2 р.

ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Д-ра Мейра и Приса. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ Ніоде. Переводъ съ французск. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

ЗАКОНЫ ПОДРАЖАНІЯ. Ж. Тарда. Переводъ съ франц. Цѣна 1 р. 50 к.

ГИГІЕНА ЖЕНЩИНЫ. Д-ра медицины М. Тило. Перев. съ франц. Ц. 40 к.

СОХРАНЕНІЕ ЗДОРОВЬЯ. Д-ра Эйдама. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 7 рис. Цѣна 40 к.

ФАБРИЧНАЯ ГИГІЕНА. Д-ра В. Святловскаго. 120 стр. и 8 рис. Ц. 4 р.

ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ Д. Селоменса. Перев. съ англ. Д. Головъ. Со мног. рисун. Ц. 1 руб.

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ А. Альмедингена. 2 ч. Ц. каждой 50 к.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ. Дебьера. Перев. съ французск. М. Энгельгарта. Со многими рисун. Ц. 1 р.

ДАРВИНИЗМЪ. Популярное изложеніе ученія Дарвина въ примѣненіи къ жизни растеній, животныхъ и человѣка. Ц. 60 к.

ЗАПИСКИ ЖЕЛУДКА. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 50 коп.

ДОМАШНІЙ О[illegible]ТЕЛЬ ПОДДѢЛОКЪ. А[illegible]. Ц. 60 к.

ШКОЛЬН[illegible]ОВОДЪ! А. [illegible]котовскаго. [illegible] 3 рис. Цѣна 20 к.

ОГОРОДНИЧЕСТВО. Практическія наставленія для сельскихъ учителей. Ф. Шубелера. Съ 187 рис. Ц[illegible]0 коп.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, [illegible] Августа [illegible]2 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Литература.

1) „Потемкинъ“, историческая монографія А. Г. Брикнера;

2) „Архивъ князя Воронцова“, томы I—XXXVII;

3) „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“ Карновича;

4) Сочиненія Державина;

5) Сочиненія А. С. Пушкина;

6) „Донъ-Жуанъ“ Байрона.

7) „Записки Энгельгардта“.

8) „Семейство Разумовскихъ“ Васильчикова;

9) „Дневникъ Храповицкаго“;

10) „Исторія Екатерины II“ Бильбасова;
и мног. друг.

11) Журналы: *„Русская Старина“* („Записки Болотова“, Гарновскій, Позье, „Принцъ де-Линь въ Россіи“ Бильбасова, „Екатерина и Потемкинъ,—подлинная ихъ переписка“, Князь „Г. А. Потемкинъ-Таврическій“ и проч.); *„Русскій Архивъ“* („С. Г. Зоричъ“, „Князь Г. Г. Орловъ“, „Дѣянія князя Г. А. Потемкина-Таврическаго“ графа Самойлова, „Потемкинскій праздникъ“, „Лордъ Мальмсбюри о Россіи“ и др.); *Историческій Вѣстникъ* („Екатерининскій Временщикъ“, „Замѣчательныя богатства князя Потемкина“ Пыляева, „Столѣтіе кончины Потемкина“ Шубинскаго и пр.).

12) Газеты: *„Новое Время“* („Ловеласы и Плѣниры“ Пыляева).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Князь Потемкинъ-Таврическій—это громкое и блестящее имя давно привлекало вниманіе историковъ и поэтовъ. Его необычайное возвышеніе и могущество, необыкновенная жизнь, закончившаяся такою-же необыкновенною смертью, интересовали и тѣхъ, и другихъ. Въ литературахъ различныхъ странъ ему посвящены изслѣдованія, поэмы и романы. Одни изъ историковъ новѣйшаго времени и современники князя смотрѣли на него, какъ на «язву Россіи» и какъ на человѣка, отличавшагося только возмутительными пороками; другіе, находя, что онъ не стѣснялся никакими нравственными догмами, въ то же время признавали за нимъ огромные таланты и большія заслуги передъ государствомъ. И этими противорѣчивыми взглядами, составляющими удѣлъ многихъ людей необыкновенныхъ, наполнена почти вся литература о Потемкинѣ. Но можно думать, что всѣ эти разнорѣчія способны слиться въ томъ представленіи о личности временщика, по которому онъ, являясь лицомъ, надѣленнымъ несомнѣнными дарованіями и оказавшимъ большія государственныя заслуги, въ то-же время въ высокой степени обладалъ пороками своей эпохи, еще шире проявившимися въ немъ, благодаря его кипучей, необузданной натурѣ и могуществу.

Изъ громадной литературы о Потемкинѣ мы въ своемъ очеркѣ главнымъ образомъ пользовались извѣстною монографіей профессора Брикнера «Потемкинъ», а также обстоятельными біографическими матеріалами о временщикѣ, помѣщенными въ «Русской Старинѣ» за 1875 г., кромѣ всѣхъ тѣхъ источниковъ, которые поименованы нами выше.

ГЛАВА I.

Первые шаги временщика.

Интересъ, возбуждаемый личностью Потемкина.—Рожденіе его и дѣтство.—Отецъ Потемкина.—Свѣдѣнія о матери.—Ученіе.—Богатое воображеніе и мечты „Грица“.—Червь честолюбія.—Крайности и противоположности въ характерѣ.—Склонность къ религіозному.—Университетъ.—Золотая медаль.—Успѣхи въ Петербургѣ.—Исключеніе изъ Университета.—Поступленіе въ дѣйствительную военную службу.—Долгъ архіепископу Амвросію.—Успѣхи по службѣ.—Участіе въ событіи 28 іюня 1762 г.—Награды.—Извѣстность при дворѣ.—Заискиванія у государыни.—Находчивость, смѣлость и остроуміе.—Потеря глаза.—Тоска и отчаяніе.—Сцена съ Орловыми.—Опять во дворцѣ.—Винигретъ должностей.—«Опекунство» надъ инородцами.

Среди извѣстныхъ въ исторіи баловней счастія, изумлявшихъ современниковъ своимъ могуществомъ, успѣхами и богатствомъ и служившихъ у потомковъ матеріаломъ для созданія фантастическихъ легендъ о ихъ необыкновенномъ возвышеніи,—одною изъ самыхъ крупныхъ личностей является Потемкинъ. Близкій другъ прославленной императрицы; выключенный за неуспѣшность изъ университета и тѣмъ не менѣе обладавшій громадными талантами; желавшій въ юности поступить въ монахи, а потомъ въ теченіи долгихъ лѣтъ бывшій обладателемъ цѣлаго гарема роскошныхъ красавицъ; сынъ захудалаго помѣщика и впослѣдствіи бросавшій милліоны на свои затѣи и угощавшій дамъ на балахъ дессертомъ изъ бриллiантовъ; человѣкъ, за которымъ ухаживали коронованныя особы и который въ теченіи долгихъ лѣтъ держалъ въ своихъ рукахъ судьбы родины и Европы; оригиналъ, о чудачествахъ, капризахъ и выходкахъ котораго составилась цѣлая литература на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ — «великолѣпный князь Тавриды» представляетъ богатый психологическій матеріалъ для на-

блюдателя. Около этого колосса Екатерининскаго царствованія группируется рядъ людей, политическихъ событій и общественныхъ явленій, характеризующихъ данную эпоху и представляющихъ не менѣе интересный матеріалъ и для историка. Жизнь Потемкина поучительна и для философа, представляя собою примѣръ суетности земного величія и пустоты дѣятельности, не согрѣтой горячимъ стремленіемъ къ идеальной и возвышенной цѣли. Этотъ временщикъ, испытавшій все, что только возможно на землѣ, въ моменты самаго высокаго своего положенія томился безъисходной тоской... Онъ, скучавшій въ золоченныхъ чертогахъ и неудовлетворявшійся баснословною роскошью, умеръ среди пустынной степи и двѣ мѣдныя грязныя монеты закрыли на вѣчный сонъ его глаза.

Рожденіе. дѣтство и первые шаги знаменитаго князя извѣстны больше изъ устныхъ преданій, нежели на основаніи точныхъ письменныхъ источниковъ. Поэтому нѣкоторыя данныя о вышеозначенномъ времени довольно проблемматичны и часто прикрашены вымыслами,—какъ, впрочемъ, и многое въ жизни Потемкина. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, народная фантазія, пораженная зрѣлищемъ необычайнаго могущества человѣка, старается найти зачатки этого явленія еще въ самомъ далекомъ прошломъ героя и окружаетъ его чуть не съ пеленокъ сверхъестественнымъ романтическимъ ореоломъ. Не избѣжалъ этой участи и «князь Тавриды», хотя дѣйствительно онъ по своимъ свойствамъ болѣе чѣмъ кто-нибудь другой,—имѣлъ право на это.

Григорій Александровичъ Потемкинъ, сынъ небогатаго, вышедшаго въ отставку маіора, увидѣлъ свѣтъ въ селѣ Чижевѣ близъ Смоленска въ сентябрѣ 1739 г. Размышляя о многихъ особенностяхъ будущаго присоединителя Крыма,—особенностяхъ, которыхъ въ полномъ размѣрѣ не могла привить атмосфера, окружавшая Потемкина въ позднѣйшіе годы,—невольно обращаешься къ свойствамъ его отца. Александръ Васильевичъ Потемкинъ, отецъ будущаго «свѣтлѣйшаго», по разсказамъ современниковъ, былъ человѣкъ гордый, порою необузданный и не стѣснявшійся въ своихъ желаніяхъ насколько это позволяло его положеніе. Такъ, при живой еще первой женѣ, онъ женился на другой, мучилъ послѣднюю ревнивыми подозрѣніями и пр. Разсказываютъ еще, что онъ, явившись для освидѣтельствованія въ военную коллегію, чтобы уволиться по болѣзни, причиненной ранами, полученными въ сраженіяхъ, отъ службы и узнавъ въ одномъ изъ присутствовавшихъ членовъ—служившаго у него когда-то въ ротѣ унтеръ-офицеромъ, сказалъ:

— Какъ? И онъ будетъ меня свидѣтельствовать! Я этого не перенесу и останусь еще въ службѣ, какъ ни тяжки мои раны! И онъ дѣйствительно послѣ того остался еще 2 года на службѣ.

Весьма возможно, что нѣкоторыя изъ чертъ сына представляли унаслѣдованныя свойства отца. Но несомнѣнно и то, что въ значительной степени выдававшіяся въ Потемкинѣ качества:—надменность, гордость, неудержимость желаній,—выработались въ немъ, благодаря его положенію и окружающей обстановкѣ: встрѣчая раболѣпное, безграничное поклоненіе даже отъ самыхъ высшихъ сановниковъ, «князь Тавриды» привыкъ третировать всѣхъ окружающихъ; не встрѣчая серьезныхъ соперниковъ себѣ по уму и талантамъ,—онъ гордился своими умственными преимуществами; не находя преградъ исполненію самыхъ необузданныхъ желаній, онъ привыкъ считать ихъ закономъ для всего окружающаго.

Впрочемъ, вліяніе отца на сына могло выразиться только въ передачѣ послѣднему наслѣдственныхъ качествъ, такъ какъ Григорій Александровичъ, или, какъ его звали въ дѣтствѣ и юности, «Грицъ», рано осиротѣлъ: отецъ его умеръ въ 1746 г. Относительно матери будущаго «свѣтлѣйшаго», Дарьи Васильевны, урожденной Скуратовой, и отношеній ея къ сыну—имѣется мало данныхъ. Она изъ скромныхъ, «захудалыхъ» дворянокъ, благодаря сказочному возвышенію сына, сдѣлалась статсъ-дамою при дворѣ,—была красива и не глупа. Сохранились указанія на то, что сынъ впослѣдствіи не питалъ особенно нѣжныхъ чувствъ къ матери, такъ какъ она осуждала донъ-жуанскія наклонности своего вельможнаго дѣтища, не щадившаго въ ухаживаніяхъ даже родныхъ племянницъ.

По смерти мужа мать «Грица» съ дѣтьми переселилась въ Москву, гдѣ родственникъ покойнаго Потемкина—Григорій Матвѣевичъ Козловскій былъ президентомъ камеръ-коллегіи. Этотъ родственникъ покровительствовалъ семьѣ будущаго князя, и съ сыномъ Козловскаго Сергѣемъ Потемкинъ, по достиженіи возраста, посѣщалъ, до поступленія въ университетъ, учебное заведеніе Литкеля въ нѣмецкой слободѣ.

Потемкинъ, обладавшій пламеннымъ воображеніемъ и необычайною памятью, рано отдался книгамъ и своимъ грандіознымъ мечтамъ. Тогда уже въ немъ замѣчались странности и не укладывавшіеся въ обычные рамки поведенія — поступки и мысли. То, что часто служитъ признакомъ людей крупныхъ, избранныхъ личностей, неудовлетворяющихся обыденною сутолокою житейскихъ мелочей и умъ которыхъ жаждетъ подходящей пищи, часто пере-

брасываясь отъ одного къ другому,—то не рѣдко кажется окружающимъ сумасбродствомъ. Такъ было и съ Потемкинымъ. Родившись съ необычайными способностями и богатымъ воображеніемъ (что доказывается достовѣрными показаніями современниковъ и колоссальными планами князя) онъ немогъ удовлетвориться «пошлою прозою» жизни, на которую его обрекала судьба, не поставивши высоко по рожденію будущаго властелина. Съ другой стороны, время, въ которое жилъ Потемкинъ, богатое «авантюрами», создававшими изъ ничтожества могущественныхъ вельможъ, а также и классическая литература съ ея знаменитыми героями, любителемъ которой былъ «Грицъ» съ дѣтства, все это могло распалять въ кипучемъ умѣ мальчика честолюбивыя стремленія. Многія свидѣтельства современниковъ указываютъ на этого червя честолюбія, который съ юности еще грызъ «великолѣпнаго князя Тавриды». То ему нравится и влечетъ къ себѣ величіе архіерейскаго служенія,—блескъ и поклоненіе: онъ желаетъ быть архіереемъ. То ему хочется быть министромъ и военачальникомъ. Попадаются и совершенно дѣтскія мечты о скупкѣ домовъ за Яузою и постройкѣ на мѣстѣ ихъ одного «преогромнаго зданія».

Въ кипучей натурѣ Потемкина жили часто противоположныя крайности, что нерѣдко является признакомъ людей съ дарованіями. Склонный еще въ юности къ созерцанію, религіозный, до тонкости вникавшій въ вопросы богословія, умѣвшій цитировать святыхъ отцовъ и не шутя думавшій о монашествѣ,—Потемкинъ въ то же время способенъ былъ проявлять безшабашный сенсуализмъ, передъ которымъ блѣднѣютъ самыя роскошныя мифы, посвященныя этому культу. Многіе, знавшіе князя, разсказываютъ о его, сохранившейся на всю жизнь, страсти къ наукамъ отвлеченнымъ и чтенію классиковъ. Во время своей силы «свѣтлѣйшій», вмѣстѣ съ гаремомъ красавицъ, арапами и челядью, держалъ у себя ученыхъ раввиновъ, раскольниковъ и начетчиковъ. Онъ любилъ, послѣ разъѣзда своихъ гостей, собирать эту часть своего штата, стравливалъ спорщиковъ другъ съ другомъ, самъ принималъ участіе въ преніяхъ и изощрялъ такимъ образомъ еще болѣе свои знанія.

Для всякаго недюжиннаго ума всегда будетъ интересною область таинственнаго, мистическаго; мучающагося сомнѣніями человѣка неотразимо влечетъ приподнять «покровъ Изиды». Помимо этого у Потемкина вкусъ къ богословію и религіознымъ мыслямъ могъ развиться и отъ частыхъ собесѣдованій съ духовными лицами *въ юности, изъ которыхъ* особенно полезнымъ собесѣдникомъ и на-

ставникомъ его былъ іеродіаконъ греческаго монастыря Дорофей. Во всякомъ случаѣ даже въ раннюю пору жизни Потемкина, изъ сохранившихся о ней данныхъ, видно, что его давно волновала жажда славы и подвиговъ, желаніе властвовать надъ другими. Какъ будто уже тогда у него являлось предчувствіе колоссальной власти и могущества, заставлявшаго впослѣдствіи даже представителя «гордаго Альбіона» Лорда Мальмсбюри (Гарриса) заискивать у нецеремонившагося съ посланниками князя.

Поступивъ въ только-что учрежденный университетъ, Потемкинъ первое время съ жаромъ отдался изученію наукъ, что такъ отвѣчало его кипучей любознательности. За дарованія и успѣхи онъ удостоился золотой медали и затѣмъ, когда Шуваловъ приказалъ выбрать 12 лучшихъ воспитанниковъ университета и прислать ихъ въ Петербургъ, въ числѣ избранныхъ оказался и «Грицъ». Студенты были приняты въ домахъ вельможъ столицы и у иностранныхъ посланниковъ, причемъ, по отзывамъ современниковъ, Григорій Потемкинъ производилъ особенно хорошее впечатлѣніе своею находчивостью и остроуміемъ, а также свѣдѣніями въ богословіи и «эллино-греческомъ» языкѣ. Наконецъ, воспитанники были представлены императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Весьма возможно, что молодой, лелѣявшій высокія мечтанія Потемкинъ, увидѣвъ роскошный дворъ Елисаветы, при которомъ блистало столько «баловней» счастья, часто не надѣленныхъ даже скромными талантами,—еще болѣе распалился честолюбивыми вожделѣніями; и можетъ быть это обстоятельство отчасти было причиною того, что «Грицъ» сталъ манкировать университетомъ.

Наука въ тогдашнемъ обществѣ не была еще настолько уважаемою персоною, чтобы доставить ученому высокое положеніе въ обществѣ. Развитая мускулатура, высокій ростъ и физическая красота могли создать владѣльцу ихъ гораздо болѣе блестящую карьеру, чѣмъ даже изобрѣтеніе чего-нибудь въ родѣ «бинома» Ньютона. И понятно, военная служба, дававшая возможность лучше проявить вышеупомянутыя качества,—являлась тогда самою удобною ареною для молодыхъ честолюбцевъ, предпочитавшихъ ее всему другому. Эта истина была очень проста, чтобы ее вскорѣ не усвоилъ и Потемкинъ. Разсказываютъ, однако, что непосредственными причинами исключенія «Грица» изъ университета (около 1760 г.) были его самостоятельныя занятія и усердное чтеніе, а также и душеспасительныя бесѣды съ монахами, отвлекавшія его отъ лекцій. Какъ-бы то ни было, но будущій меценатъ и покровитель ученыхъ и

литераторовъ, которые впослѣдствіи пресмыкались передъ нимъ, воспѣвали его въ высокопарныхъ одахъ и вымаливали отъ него милостей, былъ исключенъ изъ университета «за лѣность и нерадѣніе». Слѣдуетъ указать на то интересное обстоятельство, что вмѣстѣ съ Потемкинымъ той-же участи подвергся и извѣстный Новиковъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Будетъ не лишено справедливости замѣчаніе, что тогдашняя наука и способы ея преподаванія были настолько педантичны и сухи, что не укладывались въ живыя души талантливыхъ учениковъ,—и это являлось, въ свою очередь, причиною охлажденія послѣднихъ къ ученію.

Потемкинъ окончательно положилъ разстаться съ мечтами объ учености и «командованіи попами»: онъ рѣшился поступить въ дѣйствительную военную службу. По обычаю того времени, еще мальчикомъ его записали въ конную гвардію рейтаромъ. Занимаясь въ университетѣ, онъ постепенно былъ повышаемъ въ чинахъ, дойдя въ 1759 г. до каптенармуса. Отмѣтимъ то обстоятельство, что чинъ капрала «Грицъ» получилъ, по докладу Елисаветѣ Ивана Шувалова, за свои успѣхи въ богословіи и «эллино-греческомъ» языкѣ еще во время своей поѣздки въ Петербургъ въ 1757 г. О желаніи своемъ поступить на службу Потемкинъ сообщилъ одному изъ наиболѣе часто посѣщаемыхъ имъ въ Москвѣ іерарховъ, Амвросію Зертисъ-Каменскому, впослѣдствіи извѣстному архіепископу Московскому и Калужскому. Тотъ одобрилъ его намѣреніе и далъ будущему «свѣтлѣйшему» на дорогу пятьсотъ рублей. Въ отношеніи уже къ этому, облагодѣтельствовавшему его другу Потемкинъ выказалъ ту небрежность и безпорядочность, которыя такъ часто проявлялъ впослѣдствіи ко многимъ своимъ нравственнымъ обязательствамъ. «Великолѣпный князь Тавриды», бросая громадныя суммы на прихоти, сдѣлавъ десятки своихъ родственниковъ и клевретовъ милліонерами и богачами,—не любилъ платить даже скромныхъ долговъ. Такъ было и съ этими 500 р. Амвросія. Потемкинъ, обѣщавшись заплатить ихъ вскорѣ и съ процентами, не исполнилъ этого обязательства даже по отношенію къ наслѣдникамъ архіепископа.

Въ Петербургѣ «Грицъ» занялся усерднымъ изученіемъ строевой службы и обнаружилъ въ этомъ искусствѣ неменьшія способности, какъ и въ изученіи 2—3 года назадъ догматическихъ отвлеченностей и тонкостей. Онъ обратилъ на себя вниманіе какъ прекраснымъ знаніемъ службы, такъ и хорошею ѣздою, статностью и красотою. Все это сдѣлалось причиною того, что онъ былъ вскорѣ произведенъ въ вахмистры и взятъ ординарцемъ къ любимому

дядѣ императора Петра III Георгу Голштинскому, правя въ то же время ротою, въ которой служилъ.

Время, въ какое попалъ Потемкинъ въ Петербургъ, было самое удобное для людей съ честолюбивыми стремленіями. Хотя въ точности и не выяснена роль Потемкина въ событіяхъ при воцареніи Екатерины и разсказы о его участіи въ нихъ довольно сбивчивы, но мы дѣйствительно видимъ, что счастіе ему улыбнулось; онъ находился въ спискѣ представленныхъ Григоріемъ Орловымъ къ наградамъ и сама государыня писала о немъ Понятовскому слѣдующее: «Въ конной гвардіи офицеръ Хитрово и унтеръ-офицеръ Потемкинъ направляли все благоразумно, смѣло и дѣятельно».

Четыреста душъ крестьянъ, чинъ подпоручика гвардіи и камеръ-юнкера при дворѣ — были первыми скромными наградами «Свѣтлѣйшаго», который въ эпоху своего могущества говаривалъ нѣкоторымъ довѣреннымъ лицамъ, что могъ бы быть и королемъ Польскимъ и великимъ герцогомъ Курляндскимъ, но что на все это было ему «наплевать!»

Мечты молодого честолюбца исполнялись: первый самый трудный шагъ—начало было сдѣлано. Потемкинъ сталъ извѣстенъ государынѣ, которая не могла не обратить вниманія на величественнаго конногвардейца, отличавшагося образованіемъ и остроуміемъ. Много разсказовъ имѣется въ литературѣ о томъ, какъ велъ себя въ это время при дворѣ Потемкинъ и чему онъ главнымъ образомъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ. Передаютъ, напримѣръ, что «князь Тавриды» умѣлъ поддѣлываться подъ чужой голосъ, чѣмъ нерѣдко забавлялъ Григорія Орлова. Объ этомъ узнала и государыня, пожелавшая поближе познакомиться съ забавникомъ. Спрошенный о чемъ-то Екатериною, Потемкинъ отвѣчалъ ей ея же голосомъ и выговоромъ, чему она до слезъ смѣялася. По тѣмъ же разсказамъ, на достовѣрность которыхъ можно полагаться лишь до извѣстной степени, Орловы, сначала покровительствовавшіе «Грицу», потомъ стали ревниво слѣдить за всѣми шагами его и даже какъ то разъ сильно исколотили палками будущаго властелина.

Несомнѣнно только, что Потемкинъ былъ принятъ при дворѣ и часто находился, въ качествѣ камеръ-юнкера, въ обществѣ государыни, не могшей не чувствовать симпатіи къ молодому придворному, умъ, находчивость и смѣлость котораго ей не разъ пришлось оцѣнить. Такъ однажды Екатерина обратилась къ Потемкину за столомъ съ вопросомъ на французскомъ языкѣ,—тотъ отвѣчалъ ей по русски. Сидѣвшій за столомъ знатный сановникъ—изъ породы

Полоніевъ—замѣтилъ Потемкину, что подданный обязанъ отвѣчать своему государю на томъ языкѣ, на которомъ былъ сдѣланъ вопросъ. Но молодой камеръ-юнкеръ, нисколько не смущаясь, возразилъ:

— А я, напротивъ того, думаю, что подданный долженъ отвѣтствовать своему государю на томъ языкѣ, на которомъ вѣрнѣе можетъ мысли свои объяснить: русскій же языкъ учу я слишкомъ 22 года.

Въ другой разъ императрица играла въ карты съ Григоріемъ Орловымъ. Потемкинъ подошелъ къ столу, оперся на него рукою и смотрѣлъ въ карты государыни. Орловъ шепнулъ ему, чтобъ отошелъ.

— Оставьте его,—возразила государыня, — онъ вамъ не мѣшаетъ!

Но къ честолюбцу, начавшему съ такими явными знаками успѣха свою карьеру, подкрадывалось страшное несчастіе: онъ окривѣлъ на правый глазъ. Исторія съ этимъ глазомъ также послужила поводомъ для многихъ часто самыхъ фантастическихъ разсказовъ. Ходили слухи, что глазъ Потемкину вышибъ кулакомъ Алексѣй Орловъ; что ему во время ссоры съ однимъ придворнымъ послѣдній выкололъ глазъ шпагою и т. п. Но достовѣрнѣе всего является разсказъ племянника «Свѣтлѣйшаго»—графа Самойлова, оставившаго очень цѣнное для исторіи Потемкина жизнеописаніе знаменитаго дяди. По разсказу Самойлова, Потемкинъ, возвратившись изъ Москвы въ 1763 г. послѣ коронаціи Екатерины II, заболѣлъ горячкою. Всегда отличаясь своенравностью, онъ и въ этомъ случаѣ не хотѣлъ лѣчиться обычнымъ порядкомъ и не обратился къ патентованнымъ докторамъ, а взялъ для этого простого знахаря «Ерофеича» (изобрѣтателя знаменитой водочной настойки), обвязавшаго ему голову какою-то доморощенною припаркою. Почувствовавъ страшный жаръ и боль въ головѣ и обвязанномъ глазу, Потемкинъ сорвалъ повязку и замѣтилъ на глазу наростъ, застилавшій ему зрѣніе. Въ нетерпѣніи онъ сорвалъ этотъ наростъ булавкою и окривѣлъ. Какъ бы то ни было Потемкинъ лишился употребленія одного глаза и мы легко можемъ представить себѣ его страшное отчаяніе. Его звали Алкивіадомъ, — и какою жестокою насмѣшкою была бы эта кличка по отношенію къ окривѣвшему Потемкину!

По свойственной его страстной натурѣ крайности, жизнерадостный до того Потемкинъ теперь отдался самому мрачному отчаянію. Все казалось ему погибшимъ: завоеванное уже вниманіе государыни, а съ нимъ—блескъ, слава и могущество... Онъ, по разсказамъ совре-

менниковъ, цѣлыхъ 18 мѣсяцевъ просидѣлъ безвыходно дома, въ комнатѣ съ закрытыми ставнями, валялся въ постели, отростилъ бороду и принималъ только самыхъ близкихъ людей. Въ наиболѣе сильные пароксизмы отчаянія Потемкинъ возвращался къ мечтамъ дѣтства о постриженіи въ монахи, усердно занимался богословскими вопросами и изучалъ богослужебные обряды... Весьма возможно, что въ его головѣ роились и другіе планы—во что бы то ни стало тѣмъ или другимъ способомъ завоевать себѣ извѣстность,—и если ему казалась погибшею его карьера при дворѣ, то онъ могъ стать извѣстнымъ вообще на поприщѣ государственной службы. Племянникъ Потемкина сообщаетъ, что дядя за время своего уединенія много читалъ книгъ и «изощрялъ свой умъ познаніями».

Въ концѣ концовъ Потемкинъ по своей живой натурѣ, лелѣя разные планы, примирился съ своимъ недостаткомъ, который, по отзывамъ современниковъ, былъ почти не замѣтенъ и очень немного портилъ его замѣчательную красоту. Съ повязаннымъ глазомъ Потемкинъ сталъ мало по малу появляться въ обществѣ и, наконецъ, снова, по желанію Екатерины, попалъ во дворецъ.

Тотъ фактъ, что Потемкинъ былъ вызванъ изъ своего уединенія самою императрицею, указываетъ, что послѣдняя его помнила и интересовалась его судьбою. И весьма правдоподобны разсказы о томъ, что Орловы не желали появленія его во дворцѣ, иначе онъ еще ранѣе попалъ бы въ придворныя сферы, въ которыхъ имѣлъ такой успѣхъ.

Какъ бы то ни было, но въ одинъ прекрасный день къ отшельнику явились Алексѣй и Григорій Орловы.

— Тезка, — сказалъ Григорій, — Государыня приказала мнѣ глазъ твой посмотрѣть!

Но Потомкинъ не хотѣлъ сначала исполнить этого требованія; тогда Орловы силою сняли повязку съ глаза и убѣдились, что ихъ соперникъ окривѣлъ.

— Ну, тезка, — проговорилъ тогда Григорій Орловъ, — а мнѣ сказывали, что ты проказничаешь... Одѣвайся: государыня приказала привести тебя къ себѣ!

Такимъ образомъ состоялось вторичное появленіе Потемкина при дворѣ.

Мы не будемъ передавать всѣхъ разсказовъ, относящихся до жизни Потемкина за это время: событія ея не представляются интересными и кромѣ того имѣется мало документальныхъ данныхъ объ этомъ періодѣ. Блестящіе дни временщика, изумившаго Европу

своимъ великолѣпіемъ и могуществомъ, были еще впереди. Одно только можно сказать, что онъ не рѣдко за описываемое время бывалъ во дворцѣ, забавлялъ государыню своими выходками и давалъ ей возможность знакомиться съ своимъ выдающимся умомъ и дарованіями. Не было, вѣроятно, недостатка со стороны Орловыхъ и ихъ сильной партіи въ желаніи дискредитировать Потемкина, такъ настойчиво становившагося имъ поперекъ дороги. Ничего нѣтъ необычайнаго и въ томъ, что они старались подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ удалить его отъ двора и дали ему, между прочимъ, очень неавантажную командировку въ Швецію, которая, впрочемъ, по другимъ источникамъ относится къ болѣе раннему періоду службы Потемкина. Весьма возможно также, что бывали дни, когда сама императрица, настроенная Орловыми, менѣе дружелюбно относилась къ будущему временщику.

Во всякомъ случаѣ на Потемкина за эти 7—8 лѣтъ не пролилось особенныхъ милостей и его служебное повышеніе шло довольно обыкновенными шагами. Намъ нѣтъ надобности дѣлать скучное перечисленіе его наградъ и производствъ; скажемъ только, что онъ въ 1768 г. былъ пожалованъ въ камергеры.

Мы не можемъ пройти молчаніемъ того обстоятельства, что будущему могущественному человѣку, простершему свою длань надъ обширною Россіею, приходилось за это время часто занимать неподходящія должности и дѣлать почти опереточные скачки отъ одного дѣла къ другому. То онъ «занимаетъ казначейскую должность» и надзираетъ за шитьемъ казенныхъ мундировъ; то засѣдаетъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, «дабы слушаніемъ, читаніемъ и собственнымъ сочиненіемъ текущихъ резолюцій навыкалъ быть способнымъ и искуснымъ къ сему мѣсту»,—какъ сказано въ указѣ Синоду. Можетъ быть, знаніе богословскихъ книгъ и церковныхъ обрядностей Потемкинымъ оправдывало въ достаточной степени его присутствіе въ помянутомъ учрежденіи; но довольно странно, что въ 1767 году съ двумя ротами своего полка онъ былъ командированъ въ Москву, гдѣ тогда собралась извѣстная «Большая коммиссія» для составленія «Уложенія». Въ ней Потемкинъ участвовалъ въ качествѣ опекуна депутатовъ отъ татаръ и другихъ иновѣрцевъ, выбравшихъ его опекуномъ «по той причинѣ, что они не довольно знаютъ русскій языкъ»,—а также былъ членомъ «коммиссіи духовно-гражданской». О дѣятельности его въ этомъ знаменитомъ собраніи не сохранилось данныхъ, такъ что неизвѣстно, *какъ онъ «опекалъ»* ввѣрившихъ ему свои интересы иновѣрцевъ.

Итакъ, мы видимъ, что Потемкинъ прошелъ за время съ 1761 г. по 1769 г. цѣлый винигретъ должностей: онъ «надзиралъ за мундирами», былъ камеръ-юнкеромъ, сидѣлъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ Синода, числился опекуномъ татаръ и состоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ на дѣйствительной военной службѣ.

Но всѣ эти ранги были слишкомъ мелки для души, жаждавшей громкихъ подвиговъ, богатства, власти и славы. А такою была несомнѣнно душа Потемкина. И скоро мы его увидимъ въ блескѣ недосягаемой власти, — фигурою, способною приковать къ себѣ глубокое вниманіе и историковъ, и психологовъ, и поэтовъ. Незримо созрѣвали сѣмена, зароненныя Потемкинымъ въ душу государыни и наступало время, когда повелительница Сѣвера, славившаяся своимъ умѣньемъ выбирать людей, должна была опереться на могучую руку Потемкина.

ГЛАВА II.

Возвышеніе Потемкина.

Отъѣздъ въ армію.—Письмо къ императрицѣ. — Знаменитые эпизоды первой турецкой войны.—Участіе въ нихъ Потемкина.—Аттестація его княземъ Голицынымъ. — «Обширныя и дальновидныя замѣчанія». — Чума и Григорій Орловъ —Возрастаніе интереса у государыни къ Потемкину.— Васильчиковъ.— Письмо Екатерины.—Пріѣздъ Потемкина въ Петербургъ.—Его «случай».— Письмо императрицы къ Гримму. — Интересъ въ придворной сферѣ и у посланниковъ къ новому любимцу.—Встрѣча съ Орловымъ.—Потемкинъ—генералъ-адъютантъ.—Письма жены Сиверса и посланниковъ.—Власть и значеніе Потемкина.—Поклоненіе и лесть окружающихъ.—Награды и милости.—Потемкинъ—графъ и князь.—Воспѣваніе его поэтами.—Первые шаги въ сферѣ государственныхъ дѣйствій.—Зачатки обширныхъ плановъ.—Уничтоженіе Запорожской сѣчи.—Мимолетная немилость и власть снова.

Въ засѣданіи «Большой Коммиссіи» 2 января 1769 г. маршалъ собранія Бибиковъ объявилъ, что «господинъ опекунъ отъ иновѣрцевъ и членъ коммиссіи духовно гражданской, Григорій Потемкинъ, по Высочайшему Е. И. В. соизволенію, отправляется въ армію волонтеромъ».

Потемкинъ захотѣлъ искать свою «фортуну», довольно еще туго дававшуюся ему въ аппартаментахъ дворца, гдѣ кишѣли всевозможныя интриги и было слишкомъ много конкуррентовъ, привлекавшихъ вниманіе государыни,—на поляхъ битвъ. Но Потемкинъ сдѣ-

лалъ это не просто, а съ великолѣпіемъ и помпезностью, которыя такъ характерны для него; въ этомъ случаѣ ему хотѣлось произвести побольше впечатлѣнія на государыню. Онъ обратился къ ней, прося дозволенія ѣхать въ армію, воевавшую съ турками,—съ очень интереснымъ письмомъ, изъ котораго мы приведемъ небольшія выдержки:

„Безпримѣрныя Вашего Величества попеченія о пользѣ общей,— писалъ Потемкинъ,— учинили отечество наше для насъ любезнымъ. Долгъ подданической обязанности требовалъ отъ каждаго соотвѣтствованія намѣреніямъ Вашимъ... Я Ваши милости видѣлъ съ признаніемъ, вникалъ въ премудрыя указанія Ваши и старался быть добрымъ гражданиномъ. Но Высочайшая милость, которою я особенно взысканъ, наполняетъ меня отмѣннымъ къ персонѣ В. В. усердіемъ. Я обязанъ служить государынѣ и моей благодѣтельницѣ, и такъ благодарность моя тогда только изъявится во всей своей силѣ, когда мнѣ для славы Вашего Величества удастся кровь пролить... Вы изволите увидѣть, что усердіе мое къ службѣ Вашей наградитъ недостатки моихъ способностей, и Вы не будете имѣть раскаянія въ выборѣ Вашемъ...»

Такимъ громкимъ письмомъ заявилъ будущій «великолѣпный князь» о своемъ желаніи послужить «обожаемой монархинѣ». Онъ отправился въ армію (переименованный изъ камергеровъ въ генералъ-маіоры), находившуюся подъ начальствомъ кн. Голицына, осаждавшаго крѣпость Хотинъ, на Днѣстрѣ. Эта первая при Екатеринѣ война съ Турціей, какъ извѣстно, ознаменовалась громкими побѣдами русскихъ войскъ, покрывшихъ себя славою подъ начальствомъ графа Румянцева-Задунайскаго, смѣнившаго Голицына. Знаменитые погромы турокъ при Ларгѣ и Кагулѣ завершились выгоднымъ для Россіи миромъ при Кучукъ-Кайнарджи.

Эта же война доставила и первые лавры Потемкину. Еще при князѣ Голицынѣ онъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ стычекъ и сраженій, заслужившихъ ему похвалы главнокомандующаго. Изучивъ хорошо конную службу,—о чемъ онъ и упоминалъ въ цитированномъ выше письмѣ къ Екатеринѣ,—и дѣйствительно оказавъ въ этомъ дѣлѣ крупный организаціонный талантъ впослѣдствіи,—Потемкинъ и при этихъ первыхъ своихъ военныхъ опытахъ оказался лихимъ кавалеристомъ.

«Непосредственно рекомендую В. В. мужество и искусство, — писалъ Екатеринѣ князь Голицынъ въ рапортѣ о пораженіи Молдаванжи-паши въ августѣ 1769 г., — которое оказалъ въ семъ дѣлѣ генералъ-маіоръ Потемкинъ; ибо кавалерія наша до сего времени еще не дѣйствовала съ такою стройностью и мужествомъ, какъ въ сей разъ, подъ командою вышеозначеннаго генералъ-маіора».

Мы не будемъ перечислять подробно подвиговъ Потемкина за время до конца 1770 г., когда послѣдовала по случаю зимняго времени пріостановка военныхъ дѣйствій. Не будемъ разсказывать объ этомъ подробно уже по одному тому, что потомъ на долю Потемкина выпало главенство въ веденіи другой войны съ Турціей, гдѣ пришлось яснѣе выказать ему свои достоинства и недостатки. Скажемъ только, что ему пришлось участвовать почти во всѣхъ знаменитыхъ сраженіяхъ этого періода, приходилось проявлять личное мужество и отличную распорядительность въ самостоятельныхъ дѣйствіяхъ, участвовать въ первомъ взятіи Измаила русскими и пр. Но его съ полей битвъ тянуло въ Петербургъ, во дворецъ, къ источнику величія, милостей и богатствъ... Тамъ жила государыня, вниманіе которой, въ смыслѣ совершенія блестящей карьеры, стоило гораздо больше, чѣмъ истребленіе десятковъ армій и взятіе дюжинъ крѣпостей. Потемкинъ прибылъ въ Петербургъ въ концѣ 1770 г. съ отличными рекомендаціями Румянцева. Въ письмѣ Задунайскаго къ государынѣ перечислялись заслуги Потемкина и, между прочимъ, говорилось:

«Сей чиновникъ, имѣющій большія способности, можетъ сдѣлать о землѣ, гдѣ театръ войны состоялъ, обширныя и дальновидныя замѣчанія, которыя по свойствамъ своимъ заслуживаютъ быть удостоенными высочайшаго вниманія и уваженія, а посему и ввѣряю ему для донесенія Вамъ многія обстоятельства, къ пользѣ службы и славы имперіи относящіяся...».

Весьма возможно, что «обширныя и дальновидныя замѣчанія» Потемкина, склоннаго ко всему громкому и грандіозному, заключали уже и тогда въ себѣ зародышъ знаменитаго «греческаго проекта», который такъ пугалъ Европу въ прошломъ столѣтіи и до сихъ поръ стоитъ передъ народами въ образѣ грознаго «восточнаго вопроса». Знаменитыя побѣды Румянцева, въ которыхъ и самъ Потемкинъ принималъ извѣстное участіе, могли заронить въ голову пылкаго честолюбца, хватавшагося за всякій поводъ къ возвышенію, мысль о легкомъ уничтоженіи Турціи и о замѣнѣ луны—крестомъ на храмѣ св. Софіи. Впослѣдствіи этотъ «греческій проектъ» не шутя занималъ Потемкина и государыню, причемъ на постъ византійскаго императора прочили самого могущественнаго временщика.

Въ означенное время, во дворцѣ за благосклонность государыни происходила, какъ и всегда, борьба партій. Возросшее послѣ Чесменской побѣды Алексѣя Орлова вліяніе этой фамиліи возбудило недовольство со стороны партіи Панина и другихъ, энергично про-

тиводѣйствовавшихъ могучимъ Орловымъ. Въ этой борьбѣ придворныхъ партій самымъ рѣшительнымъ ходомъ — было выставленіе кандидата на вниманіе императрицы. Въ случаѣ успѣха выставлявшая его партія получала богатство, значеніе и власть.

Потемкинъ, хотя и благосклонно встрѣченный государынею, видѣлъ, что его часъ еще не пробилъ. Орловъ являлся пока слишкомъ могущественнымъ человѣкомъ, чтобы съ нимъ можно было легко справиться. О подробностяхъ пребыванія будущаго временщика въ Петербургѣ за время съ конца 1770 г. и до отъѣзда его снова въ армію въ 1771 г. не сохранилось подробностей. Извѣстно только, что онъ, между прочимъ, завязалъ прочныя дружескія отношенія съ двумя приближенными къ Екатеринѣ лицами: библіотекаремъ государыни Петровымъ и Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ. Это было очень ловкимъ шагомъ со стороны не дававшаго маху будущаго героя Тавриды. Первый изъ помянутыхъ людей, хорошо знакомый съ княземъ раньше и бывшій довольно извѣстнымъ виршеплетомъ тогдашняго времени, постоянно напоминалъ государынѣ о Потемкинѣ,—къ которому она и безъ того чувствовала симпатію,—воспѣвая его въ стихахъ и прозѣ. Еще по поводу побѣды будущаго «свѣтлѣйшаго» при Фокшанахъ (1770 г.), командовавшаго небольшимъ самостоятельнымъ отрядомъ, ходили при дворѣ вирши Петрова:

Онъ жилъ среди красотъ и аки Ахиллесъ
На ратномъ полѣ вдругъ онъ мужество изнесъ:
Впервый пріялъ онъ громъ, и громъ ему послушенъ,
Впервые встрѣтилъ смерть—и встрѣтилъ равнодушенъ!

Черезъ Елагина и Петрова Потемкинъ испросилъ дозволеніе императрицы—писать ей письма и получать черезъ нихъ-же словесные отвѣты. Разумѣется, эти письма Потемкина, вообще отличавшагося недурнымъ стилемъ, были хорошо задуманы. Карабановъ сообщаетъ, что, «съ любопытствомъ прочитывая всѣ письма, государыня видѣла, съ какимъ чувствомъ любви и съ какою похвалою изъясняется Потемкинъ на счетъ ея особы; она сперва приказывала передавать ему словесные отвѣты, а потомъ сама принялась за перо и вела съ нимъ переписку».

Всѣ обстоятельства складывались такъ, что въ императрицѣ постепенно наростало чувство благосклонности къ Потемкину, не забывавшему систематически и упорно вести свою линію,—и эта благосклонность должна была наконецъ, отразиться на его повышеніи. Въ то время, когда будущій временщикъ въ дѣйствующей арміи проявлялъ по прежнему храбрость и распорядительность, коман-

дуя уже цѣлымъ резервнымъ корпусомъ (подъ Силистріей) и отличаясь во многихъ дѣлахъ, въ Петербургѣ, при дворѣ, дѣла принимали оборотъ, оказавшійся весьма выгоднымъ для Потемкина.

Турція за русскія побѣды подарила намъ страшную чуму, которая ознаменовалась особенными ужасами въ Москвѣ и опаснымъ бунтомъ, въ которомъ между прочимъ погибъ архіепископъ Амвросій. Противная Орловымъ партія, во главѣ которой стоялъ извѣстный Никита Ивановичъ Панинъ, убѣдила государыню, что въ Москву необходимо послать «довѣренную особу, какая-бы, имѣя полную власть, въ состояніи была избавить тотъ городъ отъ совершенной погибели», и указала на Григорія Орлова, отправка котораго изъ столицы соотвѣтствовала и затаеннымъ желаніямъ государыни. Но партія Панина, можетъ быть, разсчитывавшая на то, что моровая язва уберетъ ненавистнаго ей Орлова, ошиблась въ разсчетахъ. Этотъ богатырь вернулся изъ Москвы цѣлъ и невредимъ.

Извѣстно, съ какою энергіей и отвагою, а также разумною распорядительностью дѣйствовалъ онъ при усмиреніи волненій и прекращеніи болѣзни. Заслугъ его не могла не признать еще такъ недавно отмѣнно благоволившая къ нему императрица. Орловъ съ царскимъ тріумфомъ вступилъ снова въ Петербургъ. Въ Царскомъ Селѣ въ честь его воздвигнуты до сихъ поръ существующія тріумфальныя ворота и выбита медаль. На воротахъ красовалась громкая надпись:

Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва.

А на медали, выбитой въ честь побѣдителя чумы, на одной сторонѣ изображенъ портретъ, а на другой—бросающійся въ пропасть Курцій, съ извѣстной подписью: «и Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ».

Но звѣзда счастія Орлова уже начинала меркнуть и ей не суждено было засіять прежнимъ блескомъ. Вскорѣ, какъ извѣстно, Григорій Орловъ съ чисто азіатскимъ великолѣпіемъ и роскошью, окруженный громаднѣйшею свитою, отправился на конгрессъ въ Фокшаны для веденія мирныхъ переговоровъ съ турецкими уполномоченными. Раздраженный неуступчивостью турецкихъ пословъ и ведя себя съ ними крайне высокомѣрно, онъ самовольно уѣхалъ съ неудавшагося конгресса, но былъ встрѣченъ курьеромъ съ письмомъ государыни, предлагавшей ему поселиться въ Гатчинѣ...

Наступала очередь «великолѣпнаго князя Тавриды», возвышеніе котораго и вскорѣ-же обнаружившееся громадное значеніе однако для многихъ были неожиданностью.

Произведенный въ 1773 г. въ генералъ-поручики, Потемкинъ,

жадно стремившійся въ Петербургъ и несомнѣнно хорошо освѣдомляемый обо-всемъ, происходившемъ въ придворныхъ сферахъ, получилъ въ концѣ этого года слѣдующее письмо отъ государыни, которое мы сообщаемъ въ выдержкахъ:

«Господинъ генералъ-поручикъ и кавалеръ! Вы, я чаю,—писала Екатерина въ обычномъ своемъ полушутливомъ тонѣ,—столь упражнены глазеньемъ на Силистрію, что Вамъ нѣкогда письма читать... Все то, что Вы сами предпріемлете, ничему иному приписать не должно, какъ горячему вашему усердію ко мнѣ персонально и къ любезному отечеству, котораго службу Вы любите... Прошу по пустому не вдаваться въ опасности... Вы, читавъ сіе письмо, можетъ статься, сдѣлаете вопросъ: къ чему оно писано? На сіе имѣю Вамъ отвѣтствовать; къ тому, чтобы Вы имѣли подтвержденіе моего образа мыслей объ Васъ, ибо я всегда къ Вамъ весьма доброжелательна».

Несомнѣнное расположеніе государыни, сквозившее въ строчкахъ этого письма, заставило Потемкина торопиться отъѣздомъ изъ арміи. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ началѣ января 1774 г. и уже черезъ два, три мѣсяца сдѣлался могущественнымъ человѣкомъ, за которымъ раболѣпно ухаживали люди, незадолго передъ тѣмъ третировавшіе его, какъ parvenu.

Какія причины способствовали этой благосклонности Екатерины къ Потемкину, благосклонности, которая была настолько прочна, что продержалась до самой смерти князя? Несомнѣнно государыня хорошо помнила остроумца камергера, такъ забавлявшаго ее своими выходками и порою интересовавшаго своими широкими планами. Потемкинъ очень ловко съумѣлъ за время своего отсутствія поддерживать интересъ къ себѣ, онъ часто писалъ государынѣ письма, гдѣ, конечно, не скупился на выраженія, въ самомъ лучшемъ свѣтѣ выставлявшія его горячія чувства и преданность къ обожаемой повелительницѣ; государыня слышала о военныхъ знаніяхъ Потемкина, о его подвигахъ, о которыхъ ей постоянно докладывали друзья «Грица», имѣвшіеся при дворѣ. Все это могло сильно дѣйствовать на воображеніе императрицы. А съ другой стороны Васильчиковъ, ненадѣленный дарованіями и неспособный раздѣлять широкихъ плановъ государыни, входившей уже въ роль, навязывавшуюся ей многими льстецами, «величайшей монархини» въ Европѣ, не могъ, конечно, удовлетворять своей повелительницы. Эти обстоятельства и подняли Потемкина въ глазахъ Екатерины, а онъ уже крѣпко уцѣпился за счастливый случай и не выпускалъ его почти *до конца* изъ своихъ сильныхъ рукъ. Сама Екатерина такъ писала о *новомъ своемъ избранникѣ* Гримму (въ іюлѣ 1774 года): «Генералъ

Потемкинъ болѣе въ модѣ, чѣмъ многіе другіе и смѣшитъ меня такъ, что я держусь за бока»... и въ другомъ письмѣ: «я удалилась отъ нѣкоего очень скучнаго гражданина...» «Потемкинъ—одинъ изъ самыхъ смѣшныхъ и забавныхъ оригиналовъ сего желѣзнаго вѣка».

Какъ-бы ни объяснялось это быстрое вниманіе государыни, но несомнѣнно, что уже съ марта 1774 г. Потемкинъ является могучимъ временщикомъ, безусловно подавлявшимъ всѣхъ своимъ авторитетомъ и получившимъ громадное вліяніе на государственныя дѣла. Несмотря на то, что за послѣдніе годы жизни князя не существовало той непосредственной близости его къ государынѣ, которая имѣла мѣсто лишь въ первые годы возвышенія Потемкина, и «Свѣтлѣйшій» подолгу отсутствовалъ изъ Петербурга, тѣмъ не менѣе его власть и вліяніе на императрицу были громадны.

Безъ преувеличенія можно сказать, что во всемірной исторіи найдется мало такихъ примѣровъ, какой представляется Потемкинымъ. Окруженный сѣтью интригъ, встрѣчая могущественныхъ завистниковъ, пользовавшихся всякимъ промахомъ врага, чтобы очернить его передъ повелительницею, великолѣпный князь Тавриды все-таки всѣхъ побѣждалъ: онъ въ продолженіе 18 лѣтъ былъ могучимъ властелиномъ, презрительно попиравшимъ ненавистниковъ, и преданнымъ другомъ государыни, получившей за свой умъ и таланты названіе «Великой». И эту дружбу, вліявшую не на одни отечественныя дѣла, но и на европейскія и лишь изрѣдка затемнявшуюся мимолетными вспышками недовольства, было-бы слишкомъ односторонне и несправедливо объяснять одними личными искательствами, а не способностями и несомнѣнными дарованіями князя.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ на новаго счастливца пролились необычайныя милости. Кажется, ни одинъ изъ извѣстныхъ въ исторіи повелителей не расплачивался такъ щедро и такъ роскошно за оказанныя услуги, какъ Екатерина, раздавшая своимъ приближеннымъ сотни тысячъ крестьянъ, между тѣмъ, какъ сначала царствованія она лелѣяла, по крайней мѣрѣ въ письмахъ къ корифеямъ западной мысли и науки, мечты о снятіи тягостей рабства на родинѣ. И самая львиная часть этихъ щедротъ государыни выпала на долю Потемкина, добившагося, наконецъ, того, что было предметомъ его давнишнихъ мечтаній.

По пріѣздѣ въ столицу Потемкинъ черезъ Григорія Орлова, не утратившаго добрыхъ отношеній къ Екатеринѣ, но уже не имѣвшаго прежней къ ней близости, свидѣлся съ государыней. Вѣроятно

Орловъ, думавшій еще о возвращеніи къ себѣ прежней благосклонности государыни, не полагалъ, что устроенное имъ свиданіе приведетъ къ роковымъ послѣдствіямъ. Объ отношеніи этихъ двухъ временщиковъ ходило много разсказовъ. Такъ, говорили, напримѣръ, что Потемкинъ однажды поднимался по дворцовой лѣстницѣ, направляясь къ государынѣ, а Григорій Орловъ спускался по той-же лѣстницѣ, возвращаясь домой. Потемкинъ, смущенный этою встрѣчей, обратился къ своему предшественнику съ привѣтствіемъ и, не зная, что сказать, спросилъ его:

— Что новаго при дворѣ?

— Ничего,—отвѣтилъ холодно Орловъ—только вы поднимаетесь, а я иду внизъ.

Потемкинъ, добившись представленія Екатеринѣ, придерживался въ своихъ личныхъ дѣлахъ правила «ковать желѣзо, пока горячо»,—и уже въ февралѣ, поощренный привѣтливымъ отношеніемъ государыни, самъ обратился къ ней съ просьбой о пожалованіи генералъ-адъютантомъ.

«Сіе не будетъ никому въ обиду, — закончилъ Потемкинъ свою просьбу,—а я приму за верхъ моего счастія, тѣмъ паче, что находясь подъ особливымъ покровительствомъ Вашимъ, удостоюсь принимать премудрыя повелѣнія ваши и, вникая въ оныя, сдѣлаюсь вяще способнымъ къ службѣ Вашей и отечества».

Свершилось! И уже 1-го марта 1774 г. Екатерина сообщала Бибикову о назначеніи его друга Потемкина генералъ-адъютантомъ. Она заканчивала это письмо слѣдующимъ образомъ: «Глядя на него (Потемкина) веселюсь, что хотя одного человѣка совершенно довольнаго около себя вижу».

Каждое восхожденіе новой звѣзды надъ трономъ, какъ мы уже сказали выше, составляло въ глазахъ придворныхъ событіе огромной государственной важности. Оно являлось такимъ и для представителей иностранныхъ государствъ, такъ какъ облеченный довѣренностью временщикъ, могъ своимъ вліяніемъ на государыню перетянуть чашу вѣсовъ въ ту или другую сторону. Немудрено, что каждое событіе, совершавшееся во дворцѣ, всякое измѣненіе въ составѣ лицъ, приближенныхъ къ монархинѣ, волновало дипломатическія сферы и перья посланниковъ и министровъ иностранныхъ державъ усиленно работали въ это время.

То же было и при повышеніи Потемкина, съ тою только разницею, что этотъ «случай» надѣлалъ еще больше шума, чѣмъ всѣ другіе. Знать, — а въ особенности высокопоставленныя кумушки

интересовались всякою мелочью относительно новой звѣзды. Такъ, жена новгородскаго губернатора Сиверса доставляла мужу подробныя реляціи о первыхъ шагахъ восходившаго свѣтила. «Новый генералъ-адъютантъ — писала она въ мартѣ — дежуритъ постоянно вмѣсто всѣхъ другихъ»... «Говорятъ онъ скроменъ и пріятенъ»... Въ апрѣлѣ: «покои для новаго генералъ-адъютанта готовы, и онъ занимаетъ ихъ; говорятъ, что они великолѣпны... Я часто вижу Потемкина, мчащагося по улицѣ шестернею»...

Петръ Ивановичъ Панинъ въ мартѣ 1774 г. писалъ пріятелю про Потемкина: «Мнѣ представляется, что сей новый актеръ роль свою играть будетъ съ великою живностью и съ многими перемѣнами»...

Прусскій посланникъ, графъ Сольмсъ доноситъ своему правительству: «Повидимому Потемкинъ сдѣлается самымъ вліятельнымъ лицомъ въ Россіи. Молодость, умъ и положительность доставляютъ ему такое значеніе, какимъ не пользовался даже Орловъ».

Вообще говоря, съ первыхъ-же шаговъ Потемкина всѣ угадали въ немъ грозную силу, которая не дастъ себя въ обиду и съ которою опасно бороться. Все начало преклоняться передъ могучимъ совѣтникомъ и «наперсникомъ Минервы», какъ звалъ Потемкина Державинъ. Въ обществѣ, воспитанномъ въ крѣпостной обстановкѣ, лишенномъ образованія и въ которомъ не могли еще въ ту пору, благодаря сложившимся историческимъ условіямъ, выработаться понятія о правѣ и справедливости, отсутствовала вѣрная оцѣнка истинныхъ заслугъ человѣка и не было стойкости убѣжденій. Все, что имѣло силу, блескъ и богатство — только это одно и возбуждало поклоненіе. То же самое проявилось и по отношенію къ Потемкину. Его недавніе недоброжелатели лебезили передъ временщикомъ и умоляли о милостяхъ. Когда познакомишься съ низкими свойствами этой толпы и ея жадностью къ презрѣнному металлу, то невольно прощаешь «князю Тавриды» ту надменность, которую онъ проявлялъ къ окружавшимъ съ самыхъ первыхъ дней своего возвышенія.

Мы впослѣдствіи скажемъ подробнѣе о всѣхъ тѣхъ дарахъ, которыми наградила Потемкина Екатерина; эти богатства, несмотря на страшное мотовство князя, по смерти его простирались до колоссальной суммы въ нѣсколько десятковъ милліоновъ. Трудно перечислить всѣ отличія, выпавшія на долю баловня счастія: это былъ-бы длинный, утомительный перечень. Здѣсь мы упомянемъ только, что уже въ первое время, за $1^1/_2$, 2 года своей близости къ Екатеринѣ, онъ

получилъ громадныя суммы денегъ, десятки тысячъ душъ крестьянъ, бриллiанты и другiя драгоцѣнности. Въ 1774 году Потемкинъ былъ уже генералъ-аншефомъ, вице-президентомъ военной коллегiи и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

Въ 1775 г., во время празднованiя Кучукъ-Кайнарджiйскаго мира, Потемкинъ былъ возведенъ въ графское достоинство и уже въ мартѣ 1776 г., по усердной просьбѣ къ германскому императору самой Екатерины, пожалованъ въ княжеское достоинство Священной Римской Имперiи съ титуломъ «Свѣтлѣйшаго». Иностранные государи, по настоянiямъ своихъ представителей въ С.-Петербургѣ, наперерывъ старались выказать ему свое благоволенiе, награждая высшими знаками отличiя, и только Георгъ III, представитель «Гордаго Альбiона» не соблаговолилъ снабдить Потемкина орденомъ «Подвязки». Милости лились цѣлымъ потокомъ не только на самого Потемкина, но и на его родственниковъ. Мать его была пожалована въ статсъ-дамы, сестры и племянницы тоже были приближены ко двору и послѣднiя получили придворныя званiя. Эти знаменитыя племянницы, пользуясь положенiемъ дяди, эксплуатировали доброту государыни, а также срывали все, что возможно, съ самого «свѣтлѣйшаго», отношенiя котораго къ этимъ родственницамъ не допускаютъ сомнѣнiя въ томъ, что онъ и относительно ихъ не выходилъ изъ роли Донъ-Жуана.

Слава могущественнаго князя уже за эти два первые года его повышенiя гремѣла по Россiи. Московскiй университетъ, выключившiй изъ числа своихъ студентовъ Потемкина «за лѣность и нехожденiе», воспѣвалъ новаго сановника въ высокопарныхъ латинскихъ виршахъ. Сумароковъ и Херасковъ превозносили его, какъ мецената. Митрополиты и архiепископы обращались къ нему съ почтительными письмами и просили его ходатайствъ. Протоiерей Алексѣй посвятилъ князю своего сочиненiя «Церковный Словарь».

Съ первыхъ же дней своего повышенiя Потемкинъ показалъ, что онъ совсѣмъ не хочетъ быть только «мебелью» при дворѣ; подобная роль для честолюбиваго, гордаго князя, для человѣка такого ума, какой былъ у Потемкина, являлась неудобною. Мы видимъ, что уже въ эти два года почти ни одно рѣшенiе государыни не обходится безъ совѣта съ нимъ, многое дѣлается по его инициативѣ, такъ что въ сущности онъ является главнымъ ея совѣтникомъ и притомъ совѣтникомъ авторитетнымъ. Нужно сказать, что многiя его дѣйствiя были исполнены извѣстнаго такта и благородства, исключавшаго

представленіе о его «черной» зависти ко всякому успѣху, сдѣланному помимо него. Такъ онъ настоялъ на усиленіи арміи Задунайскаго новыми подкрѣпленіями изъ Россіи и о нестѣсненіи его инструкціями. Зная еще силу Никиты Панина, онъ очень ловко доказалъ свою услужливость послѣднему, устроивъ командировку брата его Петра Панина для окончательной расправы съ пугачевцами. Къ этому же времени (1775 г.) относится и уничтоженіе Запорожской Сѣчи, произведенное по мысли и инструкціямъ Потемкина. Это гнѣздо смѣлыхъ бандитовъ, нападавшихъ на своихъ и чужихъ и грабившихъ безнаказанно магометанъ и православныхъ, не могло быть терпимо въ благоустроенномъ государствѣ. Генералъ Текеллій съ сильнымъ отрядомъ явился въ Запорожье и занялъ мѣсто, гдѣ помѣщалась Сѣчь, войсками. Вѣроятно, уже и въ это время государыня познакомилась съ обширными планами Потемкина о борьбѣ съ Турціей, объ организаціи нашихъ окраинъ, примыкавшихъ къ этой странѣ, о заселеніи Новороссіи и расширеніи предѣловъ Россіи до Чернаго моря и владычествѣ ея на послѣднемъ. Мы подробнѣе скажемъ объ этихъ планахъ въ слѣдующихъ главахъ, здѣсь же упомянули о нихъ, чтобы объяснить титулъ «генералъ-губернатора Новороссійскаго», которымъ именуется Потемкинъ еще съ конца 1774 года.

Но набѣгали тучки и на счастіе свѣтлѣйшаго. Его возвышеніе было такъ необычайно, власть такъ громадна, надменность такъ велика, что у него, кажется, не имѣлось приверженцевъ въ придворныхъ сферахъ; всѣ были противъ него и выискивали случай замѣнить непріятнаго любимца болѣе удобнымъ человѣкомъ. И эта борьба одного князя съ цѣлымъ сонмомъ враговъ, повторяемъ, указываетъ намъ, какими огромными силами и вліяніемъ на государыню обладалъ этотъ человѣкъ. Тѣмъ не менѣе трудно было и Таврическому держаться постоянно на одинаковой высотѣ власти. Уже въ 1776 г. у Потемкина явился соперникомъ Завадовскій, вмѣстѣ съ Безбородко взятый государыней изъ канцеляріи Румянцева къ себѣ въ секретари. Особенное благоволеніе государыни къ Завадовскому уязвило въ самое сердце Потемкина, не терпѣвшаго совмѣстниковъ. Онъ уѣхалъ на нѣкоторое время изъ столицы, и всѣ уже думали, что его могуществу пришелъ конецъ. Но князь, вернувшись, сразу, какъ гигантъ, разорвалъ всѣ интриги и сѣти враговъ: онъ опять безраздѣльно завладѣлъ вниманіемъ государыни и вліяніемъ на дѣла.

Князь заложилъ прочный фундаментъ въ душѣ императрицы.

Для того, чтобы судить о расположеніи къ нему государыни и довѣріи къ его уму, что и было главною причиною могущества временщика,—стоитъ прочитать только письма Екатерины: въ нихъ встрѣчается масса самыхъ лестныхъ эпитетовъ и самыхъ дружескихъ пожеланій, съ увѣреніями въ неизмѣнномъ благоволеніи, и эти письма тянутся длинною полосою, не измѣняя своего дружескаго тона до самой смерти князя. Увѣренный въ своихъ силахъ и неизмѣнномъ расположеніи къ себѣ императрицы, Потемкинъ могъ смѣло рѣшаться на самые грандіозные и несбыточные планы, на которые у другихъ его современниковъ не хватало ни силы, ни отваги, ни фантазіи.

ГЛАВА III.

Активъ и пассивъ «князя Тавриды».

Жизнь государства.—«Польза» и «вредъ» историческихъ явленій.—Политическая ариѳметика.—Экзаменъ Потемкину. — Князь-красавецъ.—Образованіе и знанія Потемкина. — Отзывы современниковъ. — Любовь къ изящнымъ искусствамъ.—Стремленіе къ грандіозности.—«На аршинъ» выше римскаго Петра!—Пороки князя.—Сладострастіе.—Сложность натуры Потемкина.—Лѣнь и энергія.—Добрыя черты его нрава.—«Стихійность» натуры князя.—Отзывъ де-Линя.—«Активъ» князя.—«Греческій» проектъ.—Фантазіи князя.—Положеніе Россіи на югѣ.—Пребываніе и дѣятельность въ Новороссіи.—Постройка городовъ.—Екатеринославъ и его чудеса.—Мнѣніе Іосифа II.—Военныя реформы.—Избавленіе солдата отъ мучительной экипировки и наказаній. — Личность Потемкина, какъ матеріалъ для поэзіи.

Прежде, чѣмъ подробно разсказывать о дальнѣйшихъ дѣяніяхъ и ростѣ могущества Потемкина, мы считаемъ необходимымъ представить общій характеръ «великолѣпнаго князя Тавриды», его «активъ» и «пассивъ»,—какъ они выяснились изъ всей его жизни.

Жизнь государства представляетъ такое сложное стихійное явленіе, что часто является затруднительнымъ произносить категорическіе приговоры о «вредѣ» или «пользѣ» дѣяній государственныхъ людей, надѣленныхъ несомнѣнными талантами, но представлявшихъ не особенно симпатичныя нравственныя свойства. Да и до сихъ поръ, собственно говоря, не установленъ точный критерій для оцѣнки «полезности» историческихъ явленій. По отношенію къ отдѣльной личности въ общемъ, можетъ быть, считается достаточно *точнымъ под*раздѣленіе явленій на «вредныя» и «полезныя», смотря

потому, доставляютъ-ли они страданіе или болѣе или менѣе глубокое наслажденіе индивиду. Но по отношенію къ жизни государствъ усвоено обыкновенно другое воззрѣніе. Побѣдоносная война, за которую достается кусокъ территоріи и срывается громадная контрибуція съ побѣжденныхъ, считается полезнымъ государственнымъ явленіемъ. А между тѣмъ сколько страданій доставляетъ она. Сколько рыданій матерей, женъ и дѣтей раздается по убитымъ! Сколько страшныхъ, тяжелыхъ сценъ скрывается даже для побѣдившаго государства въ этомъ громкомъ словѣ—«побѣдоносная» война!

Весьма возможно, что округленіе границъ государства, спасающее его отъ политическихъ неурядицъ и неустройствъ, отъ набѣговъ хищныхъ племенъ и обезпечивающее болѣе правильное развитіе производительныхъ силъ страны, — въ значительной степени вознаградитъ въ будущемъ за тѣ жертвы, которыя потратятся въ борьбѣ за это «округленіе»: поля, увлажненныя кровью народа, можетъ быть, будутъ приносить богатую жатву отдаленнымъ потомкамъ. Точно также громадныя траты на то, чтобъ «стать твердою ногою» на морѣ,—могутъ отразиться въ будущемъ значительнымъ подъемомъ силъ государства путемъ развитія его сношеній съ болѣе образованными странами, что будетъ способствовать и его собственному прогрессу. Много есть историческихъ событій, въ которыхъ худое такъ тѣсно переплетается съ хорошимъ, что не скоро еще найдутся «трезвые» историки, способные взвѣсить на точныхъ аптекарскихъ вѣсахъ критики «вредъ» и «пользу» этихъ событій. Этотъ взглядъ на историческія событія цѣликомъ можно перенести и на государственныхъ дѣятелей, содѣйствовавшихъ появленію ихъ въ исторіи: въ нихъ свѣтлыя стороны часто переплетаются съ такими, отъ которыхъ съ отвращеніемъ отвертывается пуристъ-историкъ, ищущій и на страницахъ великой книги жизни народовъ воплощенія отвлеченныхъ нравственныхъ идеаловъ, но забывающій при этомъ, что и «великіе» люди созданы изъ того-же земного праха, въ которомъ со временъ Адама гнѣздится цѣлая масса пороковъ. Въ исторіи не мало встрѣчается такихъ личностей, которыя отталкиваютъ насъ многими своими безнравственными качествами, но которыя обладали огромными талантами и утилизація ихъ дарованій оказывалась полезною государству. Къ числу такихъ личностей принадлежитъ и великанъ Екатерининскаго царствованія Потемкинъ. Что онъ былъ изъ породы людей «крупныхъ» не однимъ только ростомъ,—въ этомъ трудно сомнѣваться: за это достаточно говоритъ его колоссальное могущество, державшееся до конца, благо-

даря его громадному авторитету въ глазахъ государыни, умѣвшей, по единодушному приговору историковъ, узнавать и цѣнить таланты. За это говорятъ отзывы современниковъ, не имѣвшихъ повода курить фиміамы князю за его милости, — и разсказы умныхъ и опытныхъ иностранцевъ, къ числу которыхъ принадлежали такіе недюжинные люди, какъ принцъ де-Линь, лордъ Мальмсбюри, Сегюръ и др. За это, наконецъ, говорятъ краснорѣчиво и дѣла, совершенныя «великолѣпнымъ» Таврическимъ сатрапомъ. Если-бы историки желали быть справедливыми, то послѣ тщательно произведеннаго экзамена Потемкину,—они должны были-бы выдать ему такой дипломъ: пять съ плюсомъ—за способности и знанія и единица—за поведеніе. Въ самомъ дѣлѣ, — нравственный «пассивъ» князя былъ колоссаленъ, но у него имѣлось кое-что крупное и въ «активѣ».

По части внѣшности можно было-бы многое занести въ «активъ» Потемкина. Помѣщенный здѣсь портретъ князя, по странной прихоти долго не позволявшаго снимать съ себя изображеній, относится уже къ послѣднимъ годамъ его жизни и видимо художникъ польстилъ оригиналу. Но въ молодости и въ средніе годы, когда князя еще не сокрушали болѣзни отъ безпорядочной жизни, это былъ красавецъ: трехъ-аршинный Адонисъ. Среди придворныхъ издали уже узнавали князя «по возносящейся выше прочихъ главѣ его» (выраженіе племянника Потемкина-Самойлова). Отзывы современниковъ единогласно утверждаютъ о замѣчательной физической красотѣ и мощи «свѣтлѣйшаго». При высокомъ ростѣ, онъ обладалъ пропорціональнымъ сложеніемъ, могучими мускулами и высокою грудью. Орлиный носъ, высокое чело, красиво выгнутыя брови, голубые пріятные глаза, прекрасный цвѣтъ лица, оттѣненный нѣжнымъ румянцемъ, мягкіе свѣтло-русые, вьющіеся волосы. ровные—ослѣпительной бѣлизны зубы—вотъ обольстительный портретъ князя въ цвѣтущіе годы. Не мудрено, что онъ, по количеству своихъ романовъ, о которыхъ мы подробнѣе скажемъ ниже, не уступалъ знаменитому герою романтическихъ новеллъ—Донъ-Жуану-ди-Теноріо. Потемкинъ, окруженный ореоломъ могущества, богатства и блеска,—былъ неотразимъ для женщинъ своего времени, конечно, не лелѣявшихъ тѣхъ свѣтлыхъ идеаловъ, которые встрѣчаются у героинь тургеневскихъ романовъ. Даже потеря зрѣнія въ одномъ глазу не портила его внѣшняго вида. Впрочемъ, порою, въ особенности въ годы зрѣлые, общее впечатлѣніе портила угрюмость князя, набѣгавшая на его чело, изборожденное уже морщинами. Тогда онъ, *по словамъ оч*евидца, подперевъ подбородокъ рукою, нахмуривъ

чело и уставивъ единственный смотрѣвшій глазъ на собесѣдника, принималъ звѣрское выраженіе. Но даже и въ старые годы,—Потемкинъ умеръ 52 лѣтъ,—«сгорбленный, съеженный, невзрачный (слова де-Линя), когда остается дома,—онъ выпрямляется, вскидываетъ надменно голову, онъ гордъ, прекрасенъ, величественъ, увлекателенъ, когда является передъ своею арміею, точно Агамемнонъ въ сонмѣ греческихъ царей»... Во всякомъ случаѣ, въ самой наружности князя, въ его величественной осанкѣ — сразу видѣнъ былъ человѣкъ недюжиннаго калибра.

Нельзя не отмѣтить и того, что Потемкинъ былъ человѣкъ многосторонне-образованный для своего времени. Онъ отличался быстрымъ пониманіемъ и феноменальною памятью. Хорошо зная французскій языкъ, онъ былъ прекрасно знакомъ съ выдающимися французскими писателями. Мы уже знаемъ про его свѣдѣнія въ «эллиногреческомъ» языкѣ и богословіи. Онъ былъ начитанъ и въ классической литературѣ и въ его письмахъ часто встрѣчаются обычныя для того времени цитаты изъ классическихъ авторовъ. По отзывамъ современниковъ, масса свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ имъ отъ лицъ разныхъ профессій, съ которыми онъ сталкивался, и усвоенныхъ, благодаря огромной памяти, была колоссальна. Въ молодости князь писалъ стихи, сатиры и эпиграммы—и впослѣдствіи мы нерѣдко видимъ его въ качествѣ редактора и исправителя слога самой Екатерины (онъ исправлялъ текстъ оперы «Олегъ», сочиненный государыней и др.). Естественно, что во время своего могущества Потемкинъ считался меценатомъ, отъ котораго не мало перепадало милостей «жрецамъ Аполлона». Въ сонмѣ этихъ поэтовъ, воспѣвавшихъ любимца счастья, патетичнѣе всѣхъ звучала высоко-настроенная лира Державина, во многихъ великолѣпныхъ строфахъ увѣковѣчившаго память объ Екатерининскомъ гигантѣ. Въ большомъ умѣ и блестящихъ талантахъ князя не можетъ быть сомнѣній: это подтверждается подавляющимъ количествомъ свидѣтельствъ современниковъ. «Великій человѣкъ,—говоритъ Суворовъ,—великъ умомъ и ростомъ!» Отзывы Сегюра, де-Линя, Мальмсбюри, Массона, Екатерины и мн. другихъ—рисуютъ его не только человѣкомъ съ огромными дарованіями, но даже геніальнымъ. Разумѣется, есть отзывы и не такіе благопріятные для временщика: въ колоссальной личности князя такъ все сплеталось—и хорошее и дурное,—и такъ часто онъ выставлялъ на показъ свои громадные пороки, что его нравственные недостатки, въ глазахъ пуристовъ, набрасывали тѣнь и на его умственныя достоинства. Не мало было конечно у князя не-

доброжелателей, обойденныхъ имъ въ ихъ стремленіи къ власти; не мало было и завистниковъ и, понятно, такія лица не скупились клеймить все въ Потемкинѣ. Но повторяемъ,—въ чемъ другомъ, а въ умѣ и выдающихся дарованіяхъ «наперсника Минервы» невозможно сомнѣваться.

Не забудемъ упомянуть и того, что князь считался знатокомъ изящныхъ искусствъ. Собранная имъ коллекція картинъ, — и собранная не по одному только тщеславному побужденію затмить всѣхъ роскошью,—была колосеальна и заключала произведенія величайшихъ въ мірѣ художниковъ. Но болѣе всего князь любилъ и понималъ музыку и архитектуру. Въ обоихъ этихъ искусствахъ сказалась страсть его ко всему величественному: музыкальные оркестры его были громадны, а стремленіе къ грандіозности въ архитектурѣ выразилось яснѣе всего въ томъ фактѣ, что, задумавъ строить въ Екатеринославѣ соборъ, «подобный храму Петра въ Римѣ», онъ велѣлъ «прикинуть аршинъ» къ размѣрамъ римскаго колосса, чтобъ превзойти даже этотъ величайшій храмъ на землѣ! Фундаментъ этого храма, постройкѣ котораго, конечно, какъ и большинству грандіозныхъ плановъ Потемкина, не суждено было осуществиться не только впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, но и втеченіе столѣтій, — этотъ фундаментъ служитъ теперь *оградою* для сооруженной внутри его церкви.

Переходя къ нравственнымъ свойствамъ князя, мы должны прежде всего остановиться на его честолюбіи: оно еще съ первой юности было его преобладающею нравственною чертою. Блистать, сіять, властвовать надо всѣми и всѣмъ—этому Ваалу были принесены громадныя жертвы «великолѣпнымъ» временщикомъ. Но это-же честолюбіе не могло направляться у такого умнаго человѣка, какъ князь,—да еще желавшаго отличиться передъ такою выдающеюся государынею, какою представляется Екатерина II,—на цѣли мелкія: ему должны были удовлетворять только громкія государственныя дѣянія. Есть люди идеи, которые стремятся къ осуществленію идеаловъ во имя ихъ нравственной красоты, во имя глубокой потребности принести счастіе людямъ,—къ такой породѣ Потемкинъ не принадлежалъ. Но его умъ, въ союзѣ съ честолюбіемъ, все-таки ознаменовались полезными для государства пріобрѣтеніями.

Громадныя, представлявшія народное достояніе, суммы,—издержанныя на себя княземъ; безцеремонное его обращеніе съ казенными деньгами и людьми; созданная имъ у трона толпа приверженцевъ и клевретовъ, жадно расхищавшихъ народное добро вотъ круп-

ныя статьи пассива князя. Страшное напряженіе силъ государства, безразсчетная трата ихъ ради цѣлей своего ненасытнаго честолюбія—тоже отмѣтится большимъ грѣхомъ на Таврическомъ. Правда, онъ порою жалѣлъ солдатъ, не хотѣлъ, чтобъ ихъ много гибло въ битвахъ, допекалъ своихъ подчиненныхъ за ихъ хотя и геройскіе, но стоившіе много жизней подвиги; но съ другой стороны, тратя казенные милліоны во время второй войны съ турками, на балы, любовницъ и прихоти,—онъ заставлялъ «любимыхъ» солдатъ, которыхъ такъ жалѣлъ, гибнуть отъ холода и голода.

Его сладострастіе, переходившее всякія границы и не щадившее близкихъ родственныхъ узъ, выдѣлялось даже среди нравовъ того развратнаго общества, въ которомъ онъ жилъ. Его надменность была похожа на надменность какого-нибудь восточнаго деспота, не считающаго другихъ даже за людей.

Но натура князя Таврическаго такъ сложна, что было-бы несправедливо весь его нравственный образъ пачкать густою черною краской. Въ немъ положительно встрѣчаются черты, которыя кажутся свѣтлыми блестками и во многомъ противорѣчатъ отзывамъ его хулителей. Развратный, лѣнивый, валявшійся по цѣлымъ недѣлямъ неодѣтымъ на диванахъ, князь мгновенно преображался: онъ развивалъ необыкновенную энергію и дѣятельность, чтобъ потомъ опять предаться dolce far niente. Страстно приняться за что-нибудь и вскорѣ остыть было вообще удѣломъ многихъ дѣйствій Потемкина. Привыкшій, какъ восточный сатрапъ, нѣжиться на дорогихъ и мягкихъ подушкахъ, онъ вдругъ мчался днемъ и ночью по отвратительной дорогѣ, въ простой кибиткѣ. Да и разсказы о его необычайной надменности во многомъ кажутся преувеличенными: по крайней мѣрѣ, многіе говорятъ, что онъ проявлялъ ее главнымъ образомъ по отношенію къ знатнымъ сановникамъ, будучи простъ съ низшими. Во всякомъ случаѣ, князь не былъ мелокъ и мстителенъ. Екатерина и другіе современники постоянно указывали въ немъ на эту черту и на «благородство» по отношенію къ его многочисленнымъ врагамъ, которымъ онъ не отплачивалъ жестокостью. Можетъ быть, это объяснялось въ князѣ сознаніемъ своей громадной силы: зачѣмъ было ему мелко мстить соперникамъ, когда онъ могъ устранять ихъ только величественнымъ мановеніемъ руки? У князя было столько широкихъ плановъ, его богатое воображеніе такъ часто разъигрывалось, что онъ могъ и не замѣчать своихъ мелкихъ непріятелей. Только тамъ, гдѣ вопросъ шелъ о его могуществѣ и гдѣ князь думалъ, что соперникъ могъ быть ему опасенъ,

тогда только онъ обрушивался на врага съ львиной энергіей и сметалъ его съ своей дороги.

Во всякомъ случаѣ это была необычайная личность, надѣленная высокими дарованіями и выросшая на почвѣ «желѣзнаго» 18 вѣка, въ обществѣ, не имѣвшемъ нравственной узды; личность безъ нравственной дисциплины, для которой не было иного закона, кромѣ личнаго желанія и колоссальнаго честолюбія, но большія дарованія которой не могли пройти безслѣдно для страны. Это было стихійное явленіе природы: ураганъ, ломавшій столѣтніе дубы и оставлявшій въ цѣлости былинку; гроза съ страшнымъ громомъ и молніею, истреблявшая многое, но и проливавшая порою потоки благодатнаго дождя, утучнявшаго государственную ниву.

Смѣсь противоположныхъ качествъ въ характерѣ Потемкина очень ярко очерчена въ любопытномъ портретѣ князя, набросанномъ принцемъ де-Линь, который хорошо зналъ Таврическаго, долго живя при немъ въ арміи во вторую турецкую войну. Приведемъ нѣкоторыя черты изъ этого наброска.

«Трусливый за другихъ,—пишетъ де-Линь о князѣ,—онъ самъ очень храбръ: онъ останавливается подъ выстрѣлами и спокойно отдаетъ приказанія... Онъ очень озабоченъ въ ожиданіи опасности, но веселится среди нея и скучаетъ среди удовольствій. То глубокій философъ, искусный министръ, великій политикъ, то десятилѣтній ребенокъ. Онъ вовсе не мстителенъ, онъ извиняется въ причиненномъ горѣ, старается исправить несправедливость. Одною рукою онъ подаетъ условные знаки женщинамъ, которыя ему нравятся, а другою—набожно крестится. Съ генералами онъ говоритъ о богословіи, съ архіереями—о войнѣ. Онъ-то гордый сатрапъ Востока, то любезнѣйшій изъ придворныхъ Людовика XIV. Подъ личиною грубости онъ скрываетъ очень нѣжное сердце; онъ не знаетъ часовъ, причудливъ въ пирахъ, въ отдыхѣ и во вкусахъ: какъ ребенокъ, всего желаетъ и, какъ взрослый, умѣетъ отъ всего отказаться... Легко переноситъ жару, вѣчно толкуя о прохладительныхъ ваннахъ, и любитъ морозы, вѣчно кутаясь въ шубы»...

Присоединеніе Крыма съ Таманью, округленіе южныхъ границъ Россіи, оживленіе и заселеніе пустынной Новороссіи, постройки цѣлаго ряда городовъ на Югѣ,—основаніе прочнаго владычества Россіи на Черномъ морѣ, постройки обширнаго флота, — вотъ главныя государственныя заслуги князя. Реорганизація войскъ и облегченіе тяжестей солдатской аммуниціи и одежды—тоже должно быть записано въ активъ Потемкину.

«Греческій проектъ», который считается принадлежащимъ князю, не шутя занималъ Екатерину и былъ пугаломъ для Европы. Князь считалъ его вполнѣ осуществимымъ: удачникъ и баловень

счастія думалъ, что и на это огромное предпріятіе хватитъ у Россіи «пушечнаго мяса». Все, задуманное и совершенное княземъ на югѣ, было только преддверіемъ этой грандіозной затѣи: завоевать всю Турцію, взять Константинополь, «войти при плескахъ въ храмъ Софіи», водрузить тамъ крестъ и образовать изъ столицы османлисовъ центръ громаднаго христіанскаго государства. Эти мысли подробно развивались княземъ въ пространныхъ запискахъ императрицѣ, которая жаждала подвиговъ, долженствовавшихъ прославить ея царствованіе во всѣ вѣка и народы. Мысли о проектѣ князь проводилъ въ перепискѣ и разговорахъ съ сановниками, въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта и въ непрестанныхъ бесѣдахъ съ самою государынею, хотя и обладавшею положительнымъ умомъ, но иногда склонявшеюся къ несбыточнымъ планамъ, льстившимъ ея достаточно развитому тщеславію. Нужно сказать, что въ запискахъ князя этотъ вопросъ ставился широко; въ нихъ, казалось, не было упущено ни что, могущее способствовать осуществленію проекта: надежда на общее возмущеніе угнетенныхъ османами славянъ, на энергію и беззавѣтную храбрость русскихъ войскъ, на возможность избавиться отъ соревнованія державъ—брошенными имъ подачками. Что эти мысли сильно занимали самое государыню, видно изъ ея переписки, разговоровъ, а также того факта, что родившемуся во время разгара «греческихъ» мечтаній внуку ея дано было имя Константина и выбита въ честь этого событія медаль, на которой изображенъ Софійскій храмъ въ Константинополѣ и Черное море съ сіяющею надъ нимъ звѣздою. Эта же мысль сквозитъ и въ надписи въ честь Потемкина, сдѣланной на тріумфальныхъ воротахъ въ Царскомъ Селѣ послѣ взятія Очакова, когда князь возвратился въ столицу:

Ты въ плескахъ внидешь въ храмъ Софіи!

Разумѣется, въ роскошномъ воображеніи князя этотъ проектъ долженъ былъ осуществиться очень скоро: Потемкину въ гиперболическихъ мечтахъ уже грезился рядъ городовъ и военныхъ портовъ по всему сѣверному побережью Чернаго моря. Русскій флагъ гордо развѣвается на цитаделяхъ крѣпостей, на многочисленныхъ военныхъ корабляхъ и торговыхъ судахъ, плавающихъ по морю. Корабли проходятъ безпрепятственно чрезъ Дарданеллы и Босфоръ въ Средиземное море, разнося всюду славу Екатерины и русскаго имени, пріобрѣтая родной странѣ богатства и приводя въ почтительный страхъ сосѣднія страны. На мѣстѣ пустынь возникаютъ безчисленные города съ великолѣпными храмами и зданіями, затмѣвающими своимъ блескомъ лучшіе архитектурные памятники Европы.

Роскошный, пышный планъ, достойный своего «великолѣпнаго» изобрѣтателя! Однако, можно сказать, что хотя много вынесъ русскій народъ на своихъ плечахъ,—но вѣроятно исполненіе подобнаго плана стоило-бы ему всѣхъ прежнихъ испытаній, взятыхъ вмѣстѣ. Можно думать, что фантазія князя въ этой области значительно остыла, когда ему привелось осуществлять только часть своей широкой программы. Вторая война съ турками, гдѣ Потемкину самостоятельно пришлось приводить въ исполненіе только небольшую часть колоссальнаго плана, и то съ тяжелыми, страшными усиліями,—доказала ему воочію, что гораздо легче выдумывать сказочные проекты, чѣмъ осуществлять ихъ на дѣлѣ.

Но то, что сдѣлано княземъ въ этой области, доказываетъ дальновидность и широкое пониманіе имъ государственныхъ интересовъ. Безкровное присоединеніе Тавриды, этого чуднаго полуострова, съ Таманью и странъ Прикубанскихъ является самою важною заслугою князя передъ государствомъ.

Положеніе Россіи на югѣ въ то время было далеко не такъ обставлено, какъ это-бы слѣдовало для могущественной державы. Наши границы были отодвинуты отъ Чернаго моря значительною своею частью; флотъ отсутствовалъ; на устьяхъ Днѣпра, на Днѣстрѣ и Бугѣ, по сосѣдству, былъ цѣлый рядъ грозныхъ турецкихъ крѣпостей. Крымъ, хотя и освобожденный отъ сюзеренства Турціи по Кучукъ-Кайнарджійскому миру, на самомъ дѣлѣ былъ еще довольно послушнымъ орудіемъ въ рукахъ турецкихъ эмиссаровъ и во всякомъ случаѣ грозилъ намъ, какъ союзникъ Турціи, въ возможной войнѣ съ этою послѣднею державою. Насъ безпокоили грабежи и разбои буджакскихъ и ногайскихъ татаръ. Все это дѣлало присоединеніе Крыма важною государственною необходимостью. Извѣстно, что присоединеніе къ Россіи этого когда-то нашего грознаго врага, благодаря осмотрительной политикѣ и разумнымъ распоряженіямъ князя, совершилось почти безкровно въ 1783 году. Князь, ловко воспользовавшись возникшими безурядицами въ Крыму, заставилъ покровительствуемаго нами Шагинъ-Гирея, путемъ обѣщанія ему наградъ и милостей, отречься отъ своихъ правъ на Крымъ, который и былъ присоединенъ къ Россіи, а важнѣйшіе пункты его были заняты русскими войсками. Вмѣстѣ съ тѣмъ были усмирены ногайскіе и буджакскіе татары, причинявшіе намъ не мало неудобствъ.

Много вниманія было отдано Потемкинымъ Новороссіи, не забывавшимъ впрочемъ ничего, клонившагося къ осуществленію намѣченнаго плана. Князь велъ дѣятельную переписку съ нашимъ по-

сланникомъ въ Турціи Булгаковымъ, интересовался положеніемъ дѣлъ въ Молдавіи и Валахіи и всѣмъ, происходившимъ въ подвластныхъ Турціи славянскихъ земляхъ. Онъ заботился и объ обезпеченіи русскихъ границъ со стороны Кавказа и набѣговъ его хищныхъ обитателей; велъ переговоры о подданствѣ Грузинскаго царя Ираклія и т. п.

Но въ этомъ планѣ округленія и укрѣпленія границъ нашихъ со стороны Турціи многому суждено было исполниться только подконецъ жизни князя Таврическаго. Пока-же онъ лишь готовился къ этой борьбѣ съ Турціей, о важнѣйшихъ эпизодахъ которой мы скажемъ послѣ. Очаковъ, Бендеры, Измаилъ, Аккерманъ, Анапа и другіе пункты, являвшіеся бѣльмомъ на глазу у насъ, были взяты значительно позже, теперь-же необходимо было готовить кадры для гигантской борьбы.

Съ конца 70-хъ годовъ Потемкинъ проводитъ долгіе мѣсяцы въ Новороссіи, наѣзжая только на время въ Петербургъ. Одна изъ частей его широкой программы осуществлялась съ лихорадочною быстротою: основывается рядъ городовъ,—Екатеринославъ, Николаевъ, Херсонъ. Послѣдній, заложенный въ 1778 г. на устьѣ Днѣпра, долженъ былъ служить верфью, на которой предполагалось строить многочисленные корабли для будущаго Черноморскаго флота. Основывается великолѣпная гавань—нынѣшній Севастополь, привлекаются въ южный край массы поселенцевъ,—въ эти богатыя производительными силами земли, но пустынныя степи,—лишенныя обывателей. Хотя, разумѣется, и тутъ далеко не было осуществлено то, что задумывалъ князь: въ главномъ городѣ Новороссіи, Екатеринославѣ, пространство котораго полагалось въ 300 квадратныхъ верстъ, должны были возникнуть «судилища, на подобіе древнихъ базиликъ», устроиться лавки вродѣ «Пропилей въ Афинахъ», музыкальная консерваторія и др.; но и то, что было сдѣлано, изумляло современниковъ: русскихъ и иностранцевъ, глазѣвшихъ во время путешествія Екатерины на диковинки, возникшія какъ-бы по волшебству въ пустынной странѣ. Всѣ эти чудеса конечно рекомендовали энергію и предпріимчивость Потемкина. Въ особенности князь гордился созданнымъ имъ черноморскимъ флотомъ и просилъ государыню главнымъ образомъ обратить на него вниманіе. «Я,—писалъ ей Потемкинъ,—матушка, прошу воззрѣть на здѣшнее мѣсто (Севастопольская гавань) какъ на такое, гдѣ слава твоя *оригинальная* и гдѣ ты не дѣлишься ею съ твоими предшественниками; тутъ не слѣдуешь по стезямъ другого».

Созданіе всѣхъ этихъ чудесъ въ очень короткій промежутокъ времени стоило громадныхъ жертвъ. Препятствія, съ которыми приходилось бороться при исполненіи задуманнаго, были громадны, но князь былъ не изъ такихъ людей, чтобы остановиться передъ ними и испугаться жертвъ. Быть можетъ, не безполезно привести здѣсь мнѣніе современника объ оборотной сторонѣ медали. Французскій посланникъ при нашемъ дворѣ графъ Сегюръ приводитъ отзывъ о томъ, чего стоили эти планы Потемкина. Отзывъ принадлежитъ императору Іосифу II, лично обозрѣвавшему преобразованную княземъ Новороссію.

«Мы,—говорилъ императоръ,—въ Германіи и Франціи не смѣли-бы предпринимать того, что здѣсь дѣлается. Владѣлецъ рабовъ приказываетъ—рабы работаютъ; имъ ничего не платятъ или платятъ мало; ихъ кормятъ плохо; они не жалуются...

Для работъ, начертанныхъ Потемкинымъ, изъ многихъ мѣстъ родины высылались толпы потребныхъ мастеровъ, а также на эти работы употребляли мѣстное населеніе и войска. Гигіеническое состояніе, питаніе ихъ и вообще вся обстановка жизни этой арміи труда—не составляли особенныхъ заботъ для «свѣтлѣйшаго». Чума, свирѣпствовавшая на югѣ въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, выхватывала также не мало жертвъ среди этихъ людей. И для историка единственнымъ утѣшеніемъ въ настоящемъ случаѣ остается только то обстоятельство, что эти русскія кости были подножіемъ далеко не такихъ безполезно-грандіозныхъ сооруженій, какъ пирамиды египетскихъ фараоновъ.

Въ качествѣ воротилы военной коллегіи и спеціалиста въ военномъ дѣлѣ, князь еще съ первыхъ дней своего возвышенія обращалъ на войска особое вниманіе. Зная хорошо конницу, онъ особенно прославился устройствомъ иррегулярной кавалеріи: князь образовалъ много полковъ изъ черноморскихъ и донскихъ казаковъ, которыхъ онъ былъ гетманомъ. «Легкоконные полки», сформированные имъ, обращали на себя лестное вниманіе и государыни, и ея блестящей свиты во время знаменитаго путешествія по Тавридѣ и Новороссіи. Хотя справедливость требуетъ сказать, что многіе спеціалисты военнаго дѣла, современные князю, осуждали преимущественное вниманіе его къ конницѣ въ ущербъ развитію пѣхоты.

Но что вызывало единогласныя похвалы даже ненавистниковъ князя въ военныхъ его преобразованіяхъ—это гуманная реформа въ области солдатской экипировки. Мы не можемъ себѣ представить, какія лишенія долженъ былъ выносить солдатъ того времени. Не-

удобства тяжелаго оружія и узкаго костюма, такъ сказать, вѣнчались пыткою отъ головнаго убора: волоса было нужно завивать, пудрить, плесть косы. Безъ преувеличенія можно сказать, что только «богатыри» того желѣзнаго вѣка могли выносить пытку этого ужаснаго наряда, — совершенно негигіеничнаго и способствовавшаго тому, что солдаты «паршивѣли».

Въ извѣстной запискѣ князя сказано много дѣльнаго по этому поводу. «На что солдатамъ пукли?—говоритъ онъ: всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукою, шпильками и косами».

«Солдаты русскіе,—говоритъ племянникъ князя,—никогда не забудутъ того, что князь остриженіемъ волосъ избавилъ ихъ отъ головныхъ болѣзней и издержекъ на пудреніе головы». Онъ-же говоритъ, что Потемкинъ былъ озабоченъ искорененіемъ жестокихъ наказаній, практиковавшихся въ войскахъ и являлся въ военномъ дѣлѣ противникомъ педантизма и «шагистики». Даже извѣстный недоброжелатель Потемкина, находившій для послѣдняго только жесткія слова осужденія,—С. Р. Воронцовъ хвалитъ князя за введеніе удобнаго и соотвѣтствующаго климату обмундированія войскъ. Но эти гуманныя реформы Потемкина, введенныя, правда, не во всѣхъ войскахъ,—какъ извѣстно, недолго продержались. Императоръ Павелъ, имѣвшій достаточно поводовъ ненавидѣть князя и желавшій истребить всякую память о временщикѣ, отмѣнилъ его распоряженія. И еще про недавнее николаевское время мы знаемъ, какъ тяжело было тогда солдатское житье во всѣхъ его подробностяхъ. Только прошедшему гуманному царствованію суждено было измѣнить въ этой сферѣ порядки въ сторону гигіеничности и удобствъ.

Мы въ крупныхъ чертахъ въ этой главѣ старались обрисовать какъ характеръ «великолѣпнаго князя», такъ и тѣ главныя дѣянія, въ которыхъ выразился его геній. Но было и еще много вопросовъ и сферъ дѣятельности, которые захватывались его всемогущимъ вліяніемъ. Намъ не разъ еще придется въ дальнѣйшемъ изложеніи указывать на черты этой замѣчательной личности, исполненной рѣзкихъ противорѣчій, громадныхъ пороковъ и крупныхъ талантовъ,—личности, окруженной массою легендарныхъ сказаній, полубожескимъ поклоненіемъ однихъ и страшною ненавистью другихъ. Жизнь князя до того необычайна своими эпизодами, его могущество до того подавляло, а роскошь ослѣпляла и наконецъ само время, съ его людьми и событіями, въ которое онъ жилъ, настолько заинтри-

говываютъ, что понятнымъ кажется фактъ появленія князя какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературахъ въ качествѣ одного изъ любимѣйшихъ порсонажей романовъ и сказаній.

Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, даже изъ того, что здѣсь сказано, видно, что этотъ человѣкъ былъ совсѣмъ не чета другимъ временщикамъ, появлявшимся у трона и оставившимъ память о себѣ только жаднымъ хватаніемъ царскихъ милостей. Но, кромѣ того, въ личности Потемкина есть много и другихъ интересныхъ подробностей, о которыхъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ,—вмѣстѣ съ указаніемъ частностей его отношеній къ государынѣ, насколько онѣ выясняются изъ ихъ переписки и разсказовъ современниковъ.

ГЛАВА IV.

Могущество, причуды, капризы и романы Потемкина.

Власть князя.—Письма къ нему Екатерины.—Ничто необходится безъ него.—Отношенія къ государынѣ.—Обращеніе съ посланниками и знатью.—Анекдотъ объ оригинальной помощи.—Отзывы Гельбига и Ришельё.—Безнаказанность дѣйствій князя.—Низкій уровень общества.—Романы князя.—Отношенія его къ племянницамъ.—«Надежда-безнадежная».—Письма къ «Варинькѣ».—Отрывокъ изъ письма С. Р. Воронцова.—Устраненіе княземъ счастливыхъ соперниковъ.—Пустота души князя и его пресыщеніе.—Припадки меланхоліи.—«L'enfant gâté de Dieu».—Сцена за обѣдомъ.—Выходки и причуды.—Эполетъ въ 400.000 рублей.—Забавники у князя.—Разсказъ о Спечинскомъ.—Нежеланіе платить долги.—Часовщикъ Фази и 1.400 рублей.

Какъ мы уже сказали ранѣе, Потемкинъ гигантскими шагами шелъ къ безпримѣрному могуществу и въ самое короткое время опередилъ въ довѣріи и милостяхъ государыни всѣхъ ея приближенныхъ въ прошедшемъ. По разсказамъ современниковъ, какъ упомянуто выше, онъ въ первые 2—3 года своего повышенія получилъ нѣсколько милліоновъ рублей на наши деньги и десятки тысячъ душъ крестьянъ. И это могущество продолжалось непрерывно почти до самой смерти «великолѣпнаго князя»: его власти не могли сломить ни время, ни происки многочисленныхъ враговъ, ни сила появлявшихся у трона Екатерины новыхъ приближенныхъ. Трудно даже сказать, въ какое время значеніе князя достигло своего апогея: во время-ли первыхъ годовъ его близости къ императрицѣ, въ послѣдующій-ли періодъ,—въ годы приготовленій къ осуществленію «греческаго проекта» или тогда наконецъ, когда князь томился

подъ стѣнами Очакова и Измайла. Это могущество тянется широкою ровною полосою до самой смерти Потемкина. Завадовскій, Зоричъ, Ланской, Корсаковъ, Ермоловъ и Дмитріевъ-Мамоновъ интересовали дворъ только временно, и дѣятельность ихъ не могла имѣть высокой цѣны, тогда какъ на «своего князя» Екатерина надѣялась, какъ на каменную гору, и обращалась къ нему за совѣтами по всѣмъ дѣламъ государственнымъ и своимъ личнымъ.

Появившаяся за послѣднее время въ историческихъ журналахъ обширная переписка Екатерины съ Потемкинымъ ясно говоритъ о томъ, какъ дружелюбно относилась государыня къ князю и какъ высоко цѣнила его дарованія. Есть цѣлый рядъ ея записочекъ къ нему, относящихся до первыхъ лѣтъ ихъ знакомства. Самый нѣжный букетъ изысканно ласковыхъ словъ достается на долю князя. Въ письмахъ послѣдующихъ періодовъ хотя и слышатся отголоски нѣжныхъ дружескихъ чувствъ, но эти письма уже болѣе солидны и въ нихъ трактуется о всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ современной внѣшней и внутренней политики. Мы не можемъ, конечно, приводить многихъ выдержекъ изъ этихъ интересныхъ историческихъ документовъ,—такъ ихъ много,—но укажемъ хотя-бы на слѣдующее мѣсто изъ письма къ Потемкину (1783 г.), когда послѣдній былъ въ Новороссіи, озабоченный вопросомъ о присоединеніи Крыма и устройствомъ пустыннаго края, котораго онъ былъ генералъ-губернаторомъ. Въ это время на югѣ Россіи свирѣпствовала чума. Потемкинъ отъ усиленныхъ занятій, а также, вѣроятно, и отъ безпорядочной жизни—опасно заболѣлъ. И вотъ въ какихъ выраженіяхъ императрица обращалась къ князю о томъ, чтобъ онъ былъ осторожнѣе и берегъ свое здоровье.

«Всекрайно меня обезпокоиваетъ твоя болѣзнь,—писала государыня,—я вѣдаю, какъ ты не умѣешь быть больнымъ, и что во время выздоровленія никакъ не бережешься; только сдѣлай милость, вспомни въ настоящемъ случаѣ, что здоровье твое въ себѣ какую важность заключаетъ, благо имперіи и мою славу добрую; поберегись, ради самого Бога, не пусти мою просьбу мимо ушей, важнѣйшее предпріятіе въ свѣтѣ безъ тебя оборотится ни во что...»

Да не подумаетъ читатель, что подобное письмо является исключеніемъ,—нѣтъ, почти всѣ они таковы: вездѣ видна забота о здоровьѣ Потемкина, вездѣ надежда на его умъ, на свѣтлое соображеніе и преданность. Обо всемъ пишетъ ему государыня: она проситъ рекомендовать ей людей въ сенатъ, командировъ въ полки; спрашиваетъ мнѣніе его по польскому вопросу, объ Австріи, Пруссіи и т. д. Даже вопросъ о награжденіи клобуками архіереевъ оставляется нерѣшеннымъ до присылки отвѣта отъ князя.

Въ высшей степени трогательны письма Екатерины къ князю во время первыхъ мѣсяцевъ 2-й турецкой войны и осады Очакова. Престарѣлая государыня въ нихъ дала примѣръ бодрости своего духа подданному. Не знавшій до того неудачъ, баловень счастія, всѣ желанія котораго исполнялись въ скорости, испытывалъ страшный упадокъ духа во время медленно и неудачно шедшихъ военныхъ дѣйствій. Екатерина обнадеживала его, просила не тужить о потеряхъ и находила массу нѣжныхъ словъ утѣшенія для этого колоссальнаго ребенка.

Изъ всего этого мы видимъ, что отношенія Екатерины къ Потемкину, составлявшія основу его могущества, были такъ дружески прочны, что ихъ не могло ничто нарушить. Это были отношенія людей, которыхъ связывало воспоминаніе о свѣтломъ прошломъ и, можетъ быть, объ испытанныхъ совмѣстно огорченіяхъ; союзъ людей, лелѣявшихъ сообща широкіе планы, знавшихъ слабости другъ друга и умѣвшихъ взаимно прощать ихъ; дружба монархини къ человѣку, испытанному уму котораго и преданности она довѣрялась,— къ человѣку, облагодѣтельствованному ею и потому питавшему къ ней искреннюю благодарность.

О проявленіяхъ могущества князя можно было-бы исписать цѣлые томы,— оно было легендарнымъ. Послѣ кратковременныхъ размолвокъ Потемкина съ государынею, порою многимъ казалось, что князь терялъ силу: онъ удалялся изъ дворца (хотя его комнаты постоянно оставались за нимъ), былъ какъ будто удрученъ оказанною немилостью; но наступала минута, князь опять являлся во дворецъ, ковы, начатые противъ него, рушились какъ будто-бы какимъ-то волшебствомъ, противники его прятались по угламъ и онъ, съ надменно поднятою головою, опять царилъ надъ приниженной толпой, изгибавшейся передъ нимъ въ три погибели. Онъ устранилъ и сильныхъ когда-то Орловыхъ, Панина, Чернышева. Даже такой опасный соперникъ, какъ богатый, образованный и умный А. Р. Воронцовъ, постоянно осуждавшій за глаза, во время отсутствія князя, его проекты, притихалъ, когда тотъ появлялся. Сношенія съ иностранными дворами велись съ вѣдома князя, какъ и почти всѣ внутреннія дѣла: онъ противодѣйствовалъ Пруссіи, рѣшалъ финансовые вопросы (не всегда только съ пользою для государства), способствовалъ примиренію Екатерины съ «молодымъ дворомъ» и участвовалъ въ подготовкѣ событій, повлекшихъ ко второму раздѣлу Польши. Передъ нимъ лебезилъ юркій Сегюръ, кланялся гордый Гаррисъ (лордъ Мальмсбери), ухаживали

коронованныя особы. Онъ ни съ кѣмъ не стѣснялся: пріѣзжавшіе къ нему въ расшитыхъ золотыхъ мундирахъ, орденахъ и лентахъ иностранные послы встрѣчали князя часто босымъ, въ халатѣ и въ страшномъ, невозможномъ дезабилье. Это ставило въ большое затрудненіе посланниковъ, олицетворявшихъ собою цѣлыя націи и своихъ повелителей. Юркій Сегуръ выпутывался изъ затрудненія тѣмъ, что самъ начиналъ амикошонствовать съ княземъ: онъ подсаживался къ нему на диванъ, хлопалъ князя по плечу и спрашивалъ его: «ah, mon prince! Comment ça va, mon prince?»

Что-же касается до русскихъ сановниковъ, то съ ними великолѣпный князь еще менѣе церемонился. Они постоянно толпились въ его пріемныхъ, а князь часто къ нимъ и не показывался,—а если и являлся, то въ невозможномъ видѣ и не говорилъ ни слова. Не многимъ онъ позволялъ быть съ собою на короткую ногу. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и извѣстный Гарновскій, ловкій довѣренный князя, чудесно обдѣлывавшій и его, и собственныя дѣла. Этотъ могъ являться къ нему даже въ халатѣ, тогда какъ въ то же время предъ небрежно валявшимся властелиномъ стояли на вытяжку министры и покрытые лаврами побѣдъ воины. И часто случалось такъ, что князь, при приходѣ Гарновскаго, говорилъ этой раззолоченной толпѣ:

— Подите вонъ, намъ дѣло есть!

Иногда обращавшіеся съ просьбами къ князю люди получали въ очень оригинальной формѣ удовлетвореніе,—доказывавшее могущество князя. Мы приведемъ здѣсь разсказъ, находящійся въ числѣ извѣстныхъ анекдотовъ у Пушкина.

Безбородко собирался пожаловаться на напроказившаго Ш. государынѣ. Перепугавшаяся родня бросилась къ Потемкину за защитой. Князь велѣлъ Ш. быть на другой день у себя и приказалъ: «Чтобъ онъ со мною былъ посмѣлѣе!» Ш. явился въ назначенное время. Потемкинъ вышелъ изъ своего кабинета и молча сѣлъ играть въ карты. Въ это время является Безбородко. Князь принимаетъ его какъ нельзя хуже и продолжаетъ играть. Вдругъ онъ подзываетъ къ себѣ Ш.

— Скажи, братъ,—говоритъ Потемкинъ, показывая ему свои карты,—какъ мнѣ тутъ сыграть?

— Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Ш.—играйте, какъ умѣете!

— Ахъ, мой батюшка,—возразилъ Потемкинъ,—и слова нельзя сказать тебѣ: ужъ и разсердился!

Выходка подѣйствовала. Безбородко, увидя, что Ш. не церемонится даже съ княземъ, раздумалъ жаловаться.

Въ высшей степени трогательны письма Екатерины къ князю во время первыхъ мѣсяцевъ 2-й турецкой войны и осады Очакова. Престарѣлая государыня въ нихъ дала примѣръ бодрости своего духа подданному. Не знавшій до того неудачъ, баловень счастія, всѣ желанія котораго исполнялись въ скорости, испытывалъ страшный упадокъ духа во время медленно и неудачно шедшихъ военныхъ дѣйствій. Екатерина обнадеживала его, просила не тужить о потеряхъ и находила массу нѣжныхъ словъ утѣшенія для этого колоссальнаго ребенка.

Изъ всего этого мы видимъ, что отношенія Екатерины къ Потемкину, составлявшія основу его могущества, были такъ дружески прочны, что ихъ не могло ничто нарушить. Это были отношенія людей, которыхъ связывало воспоминаніе о свѣтломъ прошломъ и, можетъ быть, объ испытанныхъ совмѣстно огорченіяхъ; союзъ людей, лелѣявшихъ сообща широкіе планы, знавшихъ слабости другъ друга и умѣвшихъ взаимно прощать ихъ; дружба монархини къ человѣку, испытанному уму котораго и преданности она довѣрялась,— къ человѣку, облагодѣтельствованному ею и потому питавшему къ ней искреннюю благодарность.

О проявленіяхъ могущества князя можно было-бы исписать цѣлые томы,—оно было легендарнымъ. Послѣ кратковременныхъ размолвокъ Потемкина съ государынею, порою многимъ казалось, что князь терялъ силу: онъ удалялся изъ дворца (хотя его комнаты постоянно оставались за нимъ), былъ какъ будто удрученъ оказанною немилостью; но наступала минута, князь опять являлся во дворецъ, ковы, начатые противъ него, рушились какъ будто-бы какимъ-то волшебствомъ, противники его прятались по угламъ и онъ, съ надменно поднятою головою, опять царилъ надъ приниженной толпой, изгибавшейся передъ нимъ въ три погибели. Онъ устранилъ и сильныхъ когда-то Орловыхъ, Панина, Чернышева. Даже такой опасный соперникъ, какъ богатый, образованный и умный А. Р. Воронцовъ, постоянно осуждавшій за глаза, во время отсутствія князя, его проекты, притихалъ, когда тотъ появлялся. Сношенія съ иностранными дворами велись съ вѣдома князя, какъ и почти всѣ внутреннія дѣла: онъ противодѣйствовалъ Пруссіи, рѣшалъ финансовые вопросы (не всегда только съ пользою для государства), способствовалъ примиренію Екатерины съ «молодымъ дворомъ» и участвовалъ въ подготовкѣ событій, поведшихъ ко второму раздѣлу Польши. Передъ нимъ лебезилъ юркій Сегюръ, кланялся гордый Гаррисъ (лордъ Мальмсбюри), ухаживали

коронованныя особы. Онъ ни съ кѣмъ не стѣснялся: пріѣзжавшіе къ нему въ расшитыхъ золотыхъ мундирахъ, орденахъ и лентахъ иностранные послы встрѣчали князя часто босымъ, въ халатѣ и въ страшномъ, невозможномъ дезабилье. Это ставило въ большое затрудненіе посланниковъ, олицетворявшихъ собою цѣлыя націи и своихъ повелителей. Юркій Сегуръ выпутывался изъ затрудненія тѣмъ, что самъ начиналъ амикошонствовать съ княземъ: онъ подсаживался къ нему на диванъ, хлопалъ князя по плечу и спрашивалъ его: «ah, mon prince! Comment ça va, mon prince?»

Что-же касается до русскихъ сановниковъ, то съ ними великолѣпный князь еще менѣе церемонился. Они постоянно толпились въ его пріемныхъ, а князь часто къ нимъ и не показывался,—а если и являлся, то въ невозможномъ видѣ и не говорилъ ни слова. Немногимъ онъ позволялъ быть съ собою на короткую ногу. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и извѣстный Гарновскій, ловкій довѣренный князя, чудесно обдѣлывавшій и его, и собственныя дѣла. Этотъ могъ являться къ нему даже въ халатѣ, тогда какъ въ то же время предъ небрежно валявшимся властелиномъ стояли на вытяжку министры и покрытые лаврами побѣдъ войны. И часто случалось такъ, что князь, при приходѣ Гарновскаго, говорилъ этой раззолоченной толпѣ:

— Подите вонъ, намъ дѣло есть!

Иногда обращавшіеся съ просьбами къ князю люди получали въ очень оригинальной формѣ удовлетвореніе,—доказывавшее могущество князя. Мы приведемъ здѣсь разсказъ, находящійся въ числѣ извѣстныхъ анекдотовъ у Пушкина.

Безбородко собирался пожаловаться на напроказившаго Ш. государынѣ. Перепугавшаяся родня бросилась къ Потемкину за защитой. Князь велѣлъ Ш. быть на другой день у себя и приказалъ: «Чтобъ онъ со мною былъ посмѣлѣе!» Ш. явился въ назначенное время. Потемкинъ вышелъ изъ своего кабинета и молча сѣлъ играть въ карты. Въ это время является Безбородко. Князь принимаетъ его какъ нельзя хуже и продолжаетъ играть. Вдругъ онъ подзываетъ къ себѣ Ш.

— Скажи, братъ,—говоритъ Потемкинъ, показывая ему свои карты,—какъ мнѣ тутъ сыграть?

— Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Ш.—играйте, какъ умѣете!

— Ахъ, мой батюшка,—возразилъ Потемкинъ,—и слова нельзя сказать тебѣ: ужъ и разсердился!

Выходка подѣйствовала. Безбородко, увидя, что Ш. не церемонится даже съ княземъ, раздумалъ жаловаться.

Для того, чтобы показать, какъ думали о силѣ Потемкина современники, приведемъ мнѣніе о могуществѣ его двухъ изъ нихъ, въ достовѣрности показаній и справедливости взгляда которыхъ нѣтъ поводовъ сомнѣваться.

«Вся Россія,—говоритъ Гельбигъ,—и сосѣднія государства должны были трепетать нри страшной мысли, что судьба цѣлыхъ поколѣній зависитъ отъ каприза этого человѣка».

«Положеніе Потемкина,—писалъ въ 1790 г. герцогъ Ришелье,—превосходитъ все, что можно вообразить себѣ въ отношеніи къ могуществу безусловному. Онъ царствуетъ во всемъ пространствѣ между горами Кавказа и Дунаемъ и раздѣляетъ власть императрицы въ остальной части государства».

Для Потемкина не существовало ни законовъ, ни сената, ни министровъ: уже черезъ 3—4 мѣсяца послѣ своего возвышенія, онъ, по сообщенію англійскаго дипломата Гуннинга, собственною властью и вопреки сенату распорядился винными откупами невыгоднымъ для казны способомъ. Не забудемъ, что свое могущество князь порою неразборчиво употреблялъ на самыя недобросовѣстныя цѣли. Такъ, мы знаемъ, что онъ взялъ себѣ винный откупъ, а его довѣренный Гарновскій безъ церемоніи просилъ Безбородко, приготовившемся пересмотрѣ таможеннаго тарифа, запретить ввозъ стекла и издѣлій изъ него въ Россію. Это бы дало громадныя выгоды Потемкину, которому, какъ извѣстно, принадлежалъ стеклянный заводъ.

Только человѣкъ, увѣренный въ своемъ могуществѣ и безнаказанности, могъ продѣлывать то, что дѣлалъ Потемкинъ: онъ бралъ отовсюду, гдѣ хотѣлъ, казенныя деньги,—ему не смѣли сопротивляться,—и не давалъ въ нихъ никакого отчета. Въ Новороссіи и Крыму онъ самъ и его генералы раздавали громадные участки земли и даже съ населеніемъ, находившимся тамъ... Намъ понадобилось-бы исписать цѣлые томы, чтобы перечислить все то, въ чемъ проявлялась необыкновенная власть князя.

И какъ отвратительно было то общество, въ которомъ пришлось жить Потемкину и которое наложило на него свой отпечатокъ! Унижавшееся передъ находившимся въ силѣ временщикомъ, оно безцеремонно бросало его, едва только замѣчая собиравшуюся надъ нимъ немилость. Въ «запискахъ» Энгельгардта встрѣчается слѣдующій разсказъ, относящійся къ 1783 г. Императрица была недовольна княземъ и уже готовились экипажи для его заграничнаго вояжа. Князь не показывался во дворцѣ, пересталъ видѣться съ государыней. Знать перестала бывать у него, а за нею и прочаго званія люди, такъ что Милліонная улица, прежде запруженная экипа-

жами, не оставлявшими мѣста для проѣзда, была совершенно пуста. Но немилость императрицы продолжалась короткое время: она убѣдилась въ несправедливости наговоровъ на князя и вернула ему свое благоволеніе. И опять, черезъ два часа послѣ этого, Милліонную запрудили экипажи и сотни лицъ снова спѣшили расшаркиваться передъ княземъ... Было-бы большимъ ригоризмомъ требовать со стороны Потемкина, чтобы онъ, въ свою очередь, не платилъ надменностью и презрѣніемъ подобному обществу.

Могущественный, роскошный и богатый,—а въ цвѣтущемъ возрастѣ и красавецъ,—князь представлялъ лакомую приманку для женщинъ, въ особенности для искательницъ приключеній и тщеславныхъ дочерей Евы, плѣнявшихся мыслью —пріобрѣсти земныя блага черезъ привязанность временщика. И дѣйствительно конецъ 18 вѣка, такъ отличавшійся обиліемъ ловеласовъ и развратницъ, имѣлъ въ немъ одного изъ самыхъ блестящихъ и счастливыхъ Донъ-Жуановъ. У князя были десятки романовъ съ женщинами всевозможныхъ націй и ранговъ. Страсть къ женщинамъ, бывшая вмѣстѣ съ честолюбіемъ преобладающею стороною его натуры, не щадила даже родственныхъ связей. Не даромъ въ одной брошюрѣ современнаго ему автора Потемкинъ былъ названъ «Княземъ Тьмы».

Въ высшей степени интересны отношенія князя къ его племянницамъ, урожденнымъ Энгельгардтъ. Отношенія къ нимъ вельможнаго дяди, являвшагося сенсуалистомъ до полной распущенности, были совершенно не платоническаго характера. Какъ извѣстно, эти племянницы были вызваны въ Петербургъ, приближены ко двору и стараніями дяди получили блестящее свѣтское воспитаніе. Любимѣйшими изъ нихъ были—Александра,—впослѣдствіи графиня Браницкая,—на рукахъ которой и умеръ Потемкинъ, и Варвара, впослѣдствіи княгиня Голицына, которую Державинъ звалъ «Златовласою Плѣнирою». Благодаря не особенно нравственной школѣ дяди, племянницы отличались большою даже для того времени распущенностью нрава, такъ что одну изъ нихъ, Надежду, самъ князь звалъ «Надежда-безнадежная». Каждая изъ племянницъ, благодаря дядѣ, упрочивала свою судьбу и получала богатства. Мы приведемъ нѣкоторыя письма князя къ Варварѣ, изъ которыхъ увидимъ какъ характеръ ихъ отношеній, такъ и то, какой искусникъ былъ князь «въ наукѣ страсти нѣжной» и какъ его мучила ревностью шустрая племянница. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ billet doux Потемкина:

«Прости, mon amour, mon âme, mon tout ce que j'aime!»

«Варинька, когда я люблю тебя до безконечности, когда мой духъ не имѣетъ, опричь тебя, другой пищи, то если ты этому даешь

довольную цѣну; мудрено-ли мнѣ вѣрить, когда ты обѣщала меня любить вѣчно. Я люблю тебя, душа моя,—а какъ? Такъ, какъ еще никого не любилъ... Прости, божество милое; я цѣлую всю тебя».

«Варинька, жизнь моя, ангелъ мой! Пріѣзжай, голубушка, сударка моя, коли меня любишь...»

«Матушка, Варинька, душа моя, жизнь моя! Ты заспалась, дурочка, и ничего не помнишь... Я, идучи отъ тебя, тебя укладывалъ и расцѣловалъ и одѣлъ шлафрокомъ и одѣяломъ, и перекрестилъ...»

«Варинька, моя жизнь, красавица моя, божество мое; скажи, душа моя, что ты меня любишь, отъ этого я буду здоровъ, веселъ, счастливъ и покоенъ; моя душа, я весь полонъ тобою, моя красавица. Прощай, цѣлую тебя всю...»

Вотъ какъ писалъ «свѣтлѣйшій» Варинькѣ, называя ее «губки сладкія» и «улыбочка моя милая». Но эти «сладкія губки» за каждую свою ласку, тянули и деньгами, и подарками и донимали постояннымъ, мучительнымъ надоѣдательствомъ о покровительствѣ и милостяхъ роднымъ и поклонникамъ. Эта племянница и другія ея сестры, какъ жадная стая, набрасывались на подряды, рекомендовали могущественному дядѣ подрядчиковъ и срывали съ послѣднихъ громадные куртажи.

Говоря объ отношеніяхъ дяди къ племянницамъ, мы должны упомянуть о слѣдующемъ фактѣ. Семенъ Романовичъ Воронцовъ, отправляя свою дочь въ началѣ царствованія Александра I въ Россію, говорилъ, что онъ этого не рѣшился-бы сдѣлать при Потемкинѣ.

Кромѣ романовъ съ племянницами, у князя было безконечное количество другихъ. Даже во время самыхъ тяжелыхъ дней долгой осады Очакова у него, въ роскошной землянкѣ, былъ цѣлый гаремъ красавицъ.

Мы не имѣемъ возможности перечислять всѣхъ любовныхъ похожденій «великолѣпнаго князя Тавриды». Понятно, что, обладая громадными средствами и могуществомъ и любя этотъ спортъ, онъ не зналъ препятствій въ исполненіи желаній. Однако, хотя многіе его панегиристы и говорятъ, что онъ оставался красавцемъ до конца, очаровывая женщинъ, но всего вѣрнѣе предположить, что послѣднія толпами набрасывались на «свѣтлѣйшаго» въ его даже почтенные годы только потому, что видѣли въ немъ источникъ всѣхъ благъ, которыя такъ высоко цѣнятся на землѣ низменными людями.

Заканчивая разсказъ о любовныхъ приключеніяхъ князя, мы должны упомянуть и о томъ, что ревнивый Потемкинъ не стѣснялся устранять счастливыхъ соперниковъ въ ухаживаніи очень неблаговидными средствами. Упомянемъ объ одномъ изъ извѣстныхъ примѣровъ мести Потемкина счастливому сопернику. Это—маіоръ Щегловскій, сосланный въ Сибирь за то, что приглянулся ка-

кой-то знатной польской паннѣ, за которою ухаживалъ самъ могущественный Донъ-Жуанъ.

Однако, жизнь, хотя и исполненная внѣшняго блеска и могущества, но не согрѣтая плодотворнымъ, сознательнымъ и благороднымъ стремленіемъ къ опредѣленной цѣли; жизнь, неосвѣщенная теплымъ отношеніемъ къ ближнему; существованіе, главнымъ стимуломъ котораго является честолюбіе—такая жизнь не способна удовлетворять натуры недюжинныя. То же испыталъ на себѣ и Потемкинъ.

Червь честолюбія грызъ ему сердце. При его страшной гордости, всякое предпочтеніе, оказанное другому, приводило его въ бѣшенство. Хотя онъ и былъ могущественнымъ человѣкомъ, но и его пугала порою мысль о возможности измѣненія его положенія. Не зная удержу своимъ страстямъ и удовлетворяя всѣ желанія, извѣдавъ все, что только можно было въ области матеріальныхъ благъ, онъ испыталъ страшную скуку пресыщенія. Власть избаловала его: едва только удовлетворялось одно желаніе, за нимъ возникали новыя и новыя... Несмотря на то, что его окружали толпы подобострастно кланявшихся людей, онъ чувствовалъ себя одинокимъ и въ душѣ своей не находилъ плодотворной силы, чтобы сносить это тяжелое нравственное одиночество. Его тяготилъ золотой вѣнецъ могущества или, какъ въ прекрасномъ стихотвореніи Лермонтова, князь чувствовалъ, что онъ

. . . . . одинъ,
Какъ замка мрачнаго, пустаго
Ничтожный властелинъ...

Хотя у Потемкина и была «желѣзная» натура одного изъ богатырей прошлаго вѣка, но безпорядочная жизнь подтачивала и его крѣпкое здоровье. А физическіе недуги еще болѣе усугубляли его порою ужасное нравственное состояніе. Не мудрено, что могущественный князь, можетъ быть, и казавшійся другимъ безконечно счастливымъ, порою испытывалъ припадки мрачной хандры и нѣмого отчаянія, въ которые къ нему боялись подступиться. Или пресыщенный благами жизни вельможа заполнялъ пустоту своей души невозможными выходками: капризами, причудами и почти юродствомъ.

Во время припадковъ меланхоліи неумытый, неодѣтый и нечесанный князь валялся по цѣлымъ недѣлямъ въ своей спальнѣ или отдавался глубокимъ религіознымъ настроеніямъ. Въ немъ развилось суевѣріе. «Онъ воображаетъ,—говоритъ про религіозность князя де-Линь,—что любитъ Бога, а самъ боится дьявола, котораго считаетъ сильнѣе и могущественнѣе самого Потемкина».

Князь самъ называлъ себя «l'enfant gâtéde Dieu». Иногда на него находила совершенно неожиданно для окружающихъ тоска. Однажды, напримѣръ, князь за столомъ былъ очень веселъ, любезенъ, говорилъ, шутилъ, а потомъ сталъ задумчивъ, грустенъ и сказалъ: «Можетъ-ли человѣкъ быть счастливѣе меня? Все, чего желалъ я, всѣ прихоти мои исполнялись какъ будто какимъ очарованіемъ: хотѣлъ чиновъ и орденовъ—имѣю; любилъ играть—проигрывалъ суммы несчетныя; любилъ давать праздники—давалъ великолѣпные; любилъ дорогія вещи—имѣлъ столько, что ни одинъ частный человѣкъ не имѣетъ такъ много и такихъ рѣдкихъ; словомъ, всѣ страсти мои въ полной мѣрѣ выполнялись». Проговоривъ это, онъ бросилъ фарфоровую тарелку на полъ, разбилъ ее въ дребезги, ушелъ въ спальню и заперся тамъ.

Было-бы напрасною попыткою передать въ краткомъ очеркѣ обо всѣхъ тѣхъ выходкахъ и причудахъ, которыми князь утолялъ свою тоску и пресыщеніе: на это-бы понадобились фоліанты. Будучи гурманомъ и пресытившись тонкостями иностранной кухни, обжираясь пастетами, трюфелями и ананасами, онъ иногда чувствовалъ неодолимую потребность поѣсть соленыхъ огурцовъ, рѣдьки, клюквы, капусты. За всѣми этими продуктами посылались, даже изъ подъ Очакова, безчисленные курьеры, скакавшіе дни и ночи, загонявшіе лошадей и выбивавшіе зубы ямщикамъ для того, чтобъ поспѣть съ какою-нибудь диковинною рѣдькою, икрою или калужскимъ тѣстомъ къ «свѣтлѣйшему» Эти-же курьеры во время войны—скакали въ Парижъ или другой какой-нибудь заграничный пунктъ за покупками башмаковъ, лентъ и другихъ бездѣлушекъ для безчисленныхъ любимицъ князя.

Князь забавлялся съ брилліантами и другими драгоцѣнными камнями, пересыпалъ ихъ изъ руки въ руку, любуясь ихъ блескомъ, или раскладывалъ разнообразными фигурами. Въ одеждѣ Потемкина замѣчались рѣзкіе переходы: то онъ ходилъ въ солдатскомъ мундирѣ изъ грубаго сукна, то его платье было страшно тяжело отъ унизывавшихъ его драгоцѣнностей. Кстати сказать, эта привычка вельможъ прошлаго времени украшать себя брилліантами, бывшая сродни азіатской роскоши и нашедшая высшее выраженіе въ одеждѣ—въ торжественные дни—Потемкина, справедливо изумляла иностранцевъ и давала имъ поводъ дѣлать о русской знати обидныя замѣчанія. До чего былъ роскошенъ ассортиментъ украшеній у Потемкина, видно изъ того, что у него, напримѣръ, одинъ брилліантовый эполетъ стоилъ 400.000 р.! Были пуговицы и пряжки на башмаки, стоившія десятковъ тысячъ...

Все, что ни дѣлалъ «великолѣпный князь Тавриды» — все это было запечатлѣно роскошью и фантастическимъ чудачествомъ или въ лучшемъ случаѣ — оригинальничаньемъ. Въ числѣ этихъ забавъ его были и пиры, о самомъ знаменитомъ изъ которыхъ мы скажемъ ниже.

При князѣ дежурилъ не малый штабъ забавниковъ. Были шуты, изъ которыхъ особенно извѣстенъ Моссе, забавлявшій князя своими выдумками и остротами. Мы уже ранѣе сказали, что князь возилъ съ собою раскольниковъ и иновѣрцевъ и забавлялся ихъ распрями. Онъ выписалъ къ себѣ купца изъ Тулы, отлично игравшаго въ шахматы. Узнавъ, что въ Херсонѣ есть чиновникъ, умѣющій хорошо передразнивать извѣстныхъ лицъ, князь немедленно выписалъ его къ себѣ, и приказалъ показать искусство, передразнить и его, князя, — а затѣмъ отпустилъ. Мимолетные капризы властелина исполнялись немедленно.

Одинъ изъ безчисленныхъ адъютантовъ князя Спечинскій, жившій въ Москвѣ и считавшійся въ отпуску, получилъ приказъ немедленно явиться къ должности, подъ Очаковъ. Родственники засуетились: одни боятся немилости «свѣтлѣйшаго», другіе чуютъ неожиданное счастье. Молодой человѣкъ, наскоро снарядившись, скачетъ день и ночь и является въ лагерь Потемкина. О немъ немедленно докладываютъ. Князь приказываетъ явиться. Адьютантъ съ трепетомъ входитъ въ его палатку и находитъ Потемкина въ постели, со святцами въ рукахъ. Между ними происходитъ слѣдующій діалогъ:

— Ты, братецъ мой, адъютантъ такой-то? спрашиваетъ князь.

— Точно такъ, ваша свѣтлость! отвѣчаетъ Спечинскій, ни живъ, ни мертвъ.

— Правда-ли, что ты святцы знаешь наизусть!

— Точно такъ.

Потемкинъ смотритъ въ святцы и спрашиваетъ:

— Какого-же святого празднуютъ 18 мая?

— Мученика Ѳеодота, ваша свѣтлость!

— Такъ. А 29 сентября?

— Преподобнаго Киріака.

— Точно. А 5 февраля?

— Мученицы Агафьи, ваша свѣтлость.

Потемкинъ закрылъ святцы и закончилъ аудіенцію словами:

— Ну, поѣзжай себѣ домой!

Къ числу довольно странныхъ выходокъ князя нужно отнести и то, что, разбрасывая безъ преувеличенія милліоны на пустяки, онъ не любилъ платить своихъ долговъ, обижая иногда и очень бѣдныхъ кредиторовъ. Такъ онъ не желалъ уплатить долга часовщи-

ку Фази 1.400 р. и только тогда, когда императрица заступилась за этого швейцарца, князь приказалъ отдать помянутую сумму *мѣдными* деньгами, такъ что ими пришлось наполнить цѣлыхъ двѣ комнаты. Когда кредиторъ являлся къ князю, послѣдній обыкновенно звалъ правителя своей канцеляріи Попова и, спрашивая, почему долгъ не отданъ,—дѣлалъ условный знакъ, по которому Поповъ и судилъ, уплатить деньги или нѣтъ.

Въ этихъ капризахъ и выходкахъ достаточно обрисовывается какъ могущество Потемкина, такъ и его больная, пресыщенная душа, жаждавшая избавиться отъ тоски.

Вскорѣ князь завершилъ блестящею феерією свои выходки и удовлетворилъ страсти къ громадному и изумительному. Онъ, какъ опытный режиссеръ, поставилъ великолѣпное зрѣлище. Ареною для этого спектакля служилъ край, которому князь посвятилъ свои силы и таланты и гдѣ онъ царилъ; статистами и актерами—населеніе, собранное изъ разныхъ пунктовъ пустынной страны, а зрителями—нѣсколько монарховъ и блестящая плеяда царедворцевъ. Мы говоримъ ознаменитомъ путешествіи Екатерины II въ Тавриду и Новороссію, совершенномъ при блестящей обстановкѣ въ 1787 г.

ГЛАВА V.

Путешествіе Екатерины II на Югъ.

Дѣянія Екатерины. — Шаблонность историческихъ оцѣнокъ. — Потемкинъ — вѣрный и способный помощникъ государыни. — Его заботы о Новороссіи и дѣятельность.—Причины поѣздки Екатерины на Югъ.—Подготовка спектакля Потемкинымъ.—Блестящій кортежъ съ коронованными особами.—Подробности спектакля.—Римскія галеры.—Хандра князя въ Кіевѣ.—Разсказъ Черткова о чудесахъ Потемкина.— Встрѣча съ Понятовскимъ.— Гордый князь цѣлуетъ у Понятовскаго руку. — Блестящіе эскадроны. — Встрѣча съ Іосифомъ II.— Въѣздъ въ Херсонъ на колесницѣ.—Крымъ.—Татарская гвардія.—Стихи въ честь князя.—Эффектная сцена въ Инкерманѣ—Отзывъ Іосифа о Потемкинѣ.— Ангорскія козы. — Симферополь и Карасубазаръ. — Отзывы Гельбига.—Впечатлѣнія поѣздки.—Благодарность императрицы.—Ея письма.

Самая счастливая эпоха, наполненная громкими дѣлами Екатерины, совпадаетъ со временемъ могущества Потемкина и вліяніемъ его на государыню.

Въ задачу нашего очерка не входитъ подробное разсмотрѣніе всѣхъ событій того времени и положенія европейскихъ державъ, но мы должны назвать главныя изъ подвиговъ Екатерины по внѣш-

ней политикѣ: завоеваніе преобладающаго значенія въ Европѣ, блестящія турецкія войны, шведскую войну, раздѣлъ Польши, мирное пріобрѣтеніе Крыма, Тамани и при-кубанскихъ странъ. Кажется, трудно спорить противъ того, что главные подвиги Екатерины II относятся больше къ области внѣшней политики. Были, конечно, и значительныя внутреннія реформы: учрежденіе губерній, основаніе государственнаго банка и проч. Но на ряду съ этимъ, какъ извѣстно, происходили и явленія совсѣмъ иного порядка...

Вообще говоря, большинство историковъ довольствуется во взглядѣ на исторію еще достаточно шаблонными пріемами. Наши взгляды не привыкли еще подробно и вѣрно различать историческія перспективы: при взглядѣ, напримѣръ, на Екатерининскую эпоху, мы видимъ блескъ знаменитыхъ побѣдъ, роскошный дворъ, умную государыню, и намъ кажутся мелкими подробностями темныя пятна картины... Если-бы историки отрѣшились отъ шаблонныхъ манеръ заполнять картину блескомъ, а отводили-бы законное мѣсто и темнымъ пятнамъ, то, можно ручаться, что многія изображенія самыхъ знаменитыхъ эпохъ въ исторіи утратили-бы свой элегантный блескъ и радужныя краски.

Во всѣхъ великихъ дѣяніяхъ Екатерины былъ совершителемъ или подготовителемъ великолѣпный князь Тавриды. Другіе громкіе дѣятели начала ея царствованія и друзья государыни постепенно сходили со сцены. Панинъ, Григорій Орловъ и Захаръ Чернышевъ умерли,—и Потемкинъ все меньше и меньше встрѣчалъ соперниковъ по способностямъ и значенію.

Князь за свою дѣятельность вознаграждался баснословно щедро государыней: чинами, деньгами и дворцами, причемъ Потемкинъ не стѣснялся продавать разъ уже полученное, чтобъ снова этимъ завладѣть: такъ было, какъ извѣстно, съ дворцами Аничковскимъ и Таврическимъ, дважды ему подаренными. Всѣ русскіе ордена были уже у него, въ томъ числѣ и недавно учрежденный орденъ св. Владиміра, котораго онъ былъ однимъ изъ первыхъ кавалеровъ. Въ началѣ 1784 года онъ былъ пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ и президентомъ военной коллегіи, генералъ-губернаторомъ Крыма и сдѣланъ шефомъ кавалергардскаго корпуса. Эти новыя званія еще болѣе расширяли сферу власти князя, и такъ подавлявшаго современниковъ своимъ могуществомъ. Но главныя заботы въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія свѣтлѣйшій посвящалъ Новороссіи и Тавридѣ, его любимымъ дѣтищамъ. Мы уже говорили о томъ, что присоединеніе Крыма, Тамани и Прикубанской области было величай-

шею государственною заслугою князя. Онъ это зналъ, гордился этимъ и хотѣлъ устройствомъ помянутыхъ областей докончить начатое. Эти заботы занимали князя долгій срокъ, что было довольно необычнымъ явленіемъ для свѣтлѣйшаго, умѣвшаго выдумывать и начинать геніальные проекты, но у котораго нехватало терпѣнія долго заниматься ими и возиться со скучными подробностями исполненія. Съ начала восьмидесятыхъ годовъ, какъ сказано выше, мы видимъ князя въ Крыму и Новороссіи, гдѣ онъ развиваетъ кипучую дѣятельность: строитъ флотъ, крѣпости, организуетъ войска, основываетъ города, привлекаетъ поселенцевъ, изрѣдка лишь наѣзжая въ Петербургъ. Мы уже, говоря о греческомъ проектѣ, указали на важность этой дѣятельности князя, интересовавшей глубоко и императрицу. Эти работы Потемкина уже по одному тому должны были привлекать вниманіе государыни и современниковъ, что онѣ поглощали громадныя суммы, расходовавшіяся княземъ безконтрольно. До императрицы доходили слухи о неправильной тратѣ денегъ и, вообще, о безполезности этихъ работъ и дѣятельности Потемкина и ей, можетъ быть, частью лично хотѣлось провѣрить эти слухи, хотя подобное предположеніе гадательно. Скорѣе всего желаніе императрицы ѣхать въ Крымъ и Новороссію возникло отчасти по горячимъ просьбамъ князя, хотѣвшаго поразить государыню созданнымъ имъ цѣлымъ царствомъ, отчасти, можетъ быть, по причинамъ политическимъ: сдѣлать демонстрацію противъ Турціи и повидаться съ монархами сосѣднихъ странъ, а также показать себя народу и узнать страну.

Какъ бы то ни было, но объ этой поѣздкѣ говорилось въ придворныхъ сферахъ еще въ 1784 г. Изъ писемъ Екатерины видно, что она сибиралась совершить вояжъ и раньше 1787 года, но боялась чумы, еще не оставившей нашего юга. Эта поѣздка, наконецъ состоявшаяся въ началѣ 1787 года и послужившая одною изъ причинъ послѣдовавшей за тѣмъ турецкой войны, была совершена при такой обстановкѣ, которая возможна только или въ сказкѣ, или при могуществѣ Потемкина.

Но прежде, чѣмъ разсказывать объ этомъ феерическомъ путешествіи, мы сдѣлаемъ нѣсколько предварительныхъ объясненій. Князь долго подготовлялъ свой тріумфъ и потратилъ громадныя средства. Онъ хотѣлъ безраздѣльно пожать лавры за свои дѣянія и постарался обезопасить себя отъ нѣкоторыхъ невыгодныхъ для него обстоятельствъ. Расказываютъ, что князь удалилъ отъ себя къ пріѣзду Екатерины лично извѣстнаго ей генерала Тутолмина, своего энергичнаго и талантливаго помощника, чтобы онъ не раздѣлялъ

съ нимъ благодарности повелительницы. Желая, чтобы Румянцевъ, бывшій малороссійскимъ генераломъ-губернаторомъ, не могъ соперничать съ нимъ въ блескѣ пріема государыни, Потемкинъ устроилъ такъ, что Задунайскому не отпускали денегъ, между тѣмъ какъ самъ свѣтлѣйшій бралъ ихъ отовсюду.

Князь уже въ 1786 году отправился въ свое владѣніе для подготовленій къ встрѣчѣ государыни. Императрица, сопровождаемая Мамоновымъ и блестящею огромною свитою, выѣхала изъ Петербурга, или вѣрнѣе изъ Царскаго Села, 7-го января 1787 г.— «осмотрѣть свое маленькое хозяйство», какъ она шутливо выражалась. Ея старшій и вѣрный прикащикъ ничего не упустилъ для того, чтобы представить ввѣренную ему часть въ блестящемъ видѣ и достойно встрѣтить хозяйку. Съ конца 1784 г. уже начались дѣятельныя приготовленія: Потемкинъ тогда еще отправлялъ— можетъ быть, ранѣе ожидая государыню,—бригадиру Синельникову и другимъ подчиненнымъ ордера съ расписаніемъ, гдѣ должны были строиться дворцы для государыни, по набросаннымъ свѣтлѣйшимъ проектамъ, обѣденные столы, станціи, на которыхъ повелительница должна была останавливаться. Но главныя приготовленія на югѣ происходили уже въ присутствіи самого князя. Можетъ быть достаточно уже насоливши мѣстному населенію, онъ старался въ это время его задобрить, чтобы императрицѣ представить мирную картину довольныхъ администраторомъ обывателей. Въ Кременчугѣ и другихъ городахъ свѣтлѣйшій давалъ балы, роскошныя пиршества и концерты, собиравшіе грековъ, сербовъ, молдаванъ и другія народности, которымъ импонировалъ, конечно, блескъ, окружавшій могущественнаго сатрапа. Тысячи рабочихъ, пригнанныхъ изъ разныхъ областей государства, трудились надъ созданіемъ Екатеринослава,—города, который въ пылкихъ мечтаніяхъ Потемкина долженъ былъ возвѣщать въ вѣка славу «Великой» и превзойти величайшіе города Европы, но которому судьба, какъ бы въ насмѣшку надъ планомъ князя, судила быть обыкновеннымъ губернскимъ захолустьемъ, похожимъ какъ двѣ капли воды на другіе города Россіи. Кременчугу приказано было быть похожимъ на столицу. Взрывались днѣпровскіе пороги, устраивались дороги, дворцы и даже цѣлые города: такъ возникли Алешки, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Херсона; еще въ октябрѣ 1786 года этого города совсѣмъ не существовало, а уже въ апрѣлѣ слѣдующаго—онъ былъ отстроенъ, заселенъ малороссіянами и запорожцами. Были приняты энергическія мѣры, чтобы въ разныхъ мѣстахъ, черезъ которыя проѣзжала

шею государственною заслугою князя. Онъ это зналъ, гордился этимъ и хотѣлъ устройствомъ помянутыхъ областей докончить начатое. Эти заботы занимали князя долгій срокъ, что было довольно необычнымъ явленіемъ для свѣтлѣйшаго, умѣвшаго выдумывать и начинать геніальные проекты, но у котораго нехватало терпѣнія долго заниматься ими и возиться со скучными подробностями исполненія. Съ начала восьмидесятыхъ годовъ, какъ сказано выше, мы видимъ князя въ Крыму и Новороссіи, гдѣ онъ развиваетъ кипучую дѣятельность: строитъ флотъ, крѣпости, организуетъ войска, основываетъ города, привлекаетъ поселенцевъ, изрѣдка лишь наѣзжая въ Петербургъ. Мы уже, говоря о греческомъ проектѣ, указали на важность этой дѣятельности князя, интересовавшей глубоко и императрицу. Эти работы Потемкина уже по одному тому должны были привлекать вниманіе государыни и современниковъ, что онѣ поглощали громадныя суммы, расходовавшіяся княземъ безконтрольно. До императрицы доходили слухи о неправильной тратѣ денегъ и, вообще, о безполезности этихъ работъ и дѣятельности Потемкина и ей, можетъ быть, частью лично хотѣлось провѣрить эти слухи, хотя подобное предположеніе гадательно. Скорѣе всего желаніе императрицы ѣхать въ Крымъ и Новороссію возникло отчасти по горячимъ просьбамъ князя, хотѣвшаго поразить государыню созданнымъ имъ цѣлымъ царствомъ, отчасти, можетъ быть, по причинамъ политическимъ: сдѣлать демонстрацію противъ Турціи и повидаться съ монархами сосѣднихъ странъ, а также показать себя народу и узнать страну.

Какъ бы то ни было, но объ этой поѣздкѣ говорилось въ придворныхъ сферахъ еще въ 1784 г. Изъ писемъ Екатерины видно, что она сибиралась совершить вояжъ и раньше 1787 года, но боялась чумы, еще не оставившей нашего юга. Эта поѣздка, наконецъ состоявшаяся въ началѣ 1787 года и послужившая одною изъ причинъ послѣдовавшей за тѣмъ турецкой войны, была совершена при такой обстановкѣ, которая возможна только или въ сказкѣ, или при могуществѣ Потемкина.

Но прежде, чѣмъ разсказывать объ этомъ феерическомъ путешествіи, мы сдѣлаемъ нѣсколько предварительныхъ объясненій. Князь долго подготовлялъ свой тріумфъ и потратилъ громадныя средства. Онъ хотѣлъ безраздѣльно пожать лавры за свои дѣянія и постарался обезопасить себя отъ нѣкоторыхъ невыгодныхъ для него обстоятельствъ. Расказываютъ, что князь удалилъ отъ себя къ пріѣзду Екатерины лично извѣстнаго ей генерала Тутолмина, своего энергичнаго и талантливаго помощника, чтобы онъ не раздѣлялъ

съ нимъ благодарности повелительницы. Желая, чтобы Румянцевъ, бывшій малороссійскимъ генераломъ-губернаторомъ, не могъ соперничать съ нимъ въ блескѣ пріема государыни, Потемкинъ устроилъ такъ, что Задунайскому не отпускали денегъ, между тѣмъ какъ самъ свѣтлѣйшій бралъ ихъ отовсюду.

Князь уже въ 1786 году отправился въ свое владѣніе для подготовленій къ встрѣчѣ государыни. Императрица, сопровождаемая Мамоновымъ и блестящею огромною свитою, выѣхала изъ Петербурга, или вѣрнѣе изъ Царскаго Села, 7-го января 1787 г.— «осмотрѣть свое маленькое хозяйство», какъ она шутливо выражалась. Ея старшій и вѣрный прикащикъ ничего не упустилъ для того, чтобы представить ввѣренную ему часть въ блестящемъ видѣ и достойно встрѣтить хозяйку. Съ конца 1784 г. уже начались дѣятельныя приготовленія: Потемкинъ тогда еще отправлялъ— можетъ быть, ранѣе ожидая государыню,—бригадиру Синельникову и другимъ подчиненнымъ ордера съ росписаніемъ, гдѣ должны были строиться дворцы для государыни, по набросаннымъ свѣтлѣйшимъ проектамъ, обѣденные столы, станціи, на которыхъ повелительница должна была останавливаться. Но главныя приготовленія на югѣ происходили уже въ присутствіи самого князя. Можетъ быть достаточно уже насоливши мѣстному населенію, онъ старался въ это время его задобрить, чтобы императрицѣ представить мирную картину довольныхъ администраторомъ обывателей. Въ Кременчугѣ и другихъ городахъ свѣтлѣйшій давалъ балы, роскошныя пиршества и концерты, собиравшіе грековъ, сербовъ, молдаванъ и другія народности, которымъ импонировалъ, конечно, блескъ, окружавшій могущественнаго сатрапа. Тысячи рабочихъ, пригнанныхъ изъ разныхъ областей государства, трудились надъ созданіемъ Екатеринослава,—города, который въ пылкихъ мечтаніяхъ Потемкина долженъ былъ возвѣщать въ вѣка славу «Великой» и превзойти величайшіе города Европы, но которому судьба, какъ бы въ насмѣшку надъ планомъ князя, судила быть обыкновеннымъ губернскимъ захолустьемъ, похожимъ какъ двѣ капли воды на другіе города Россіи. Кременчугу приказано было быть похожимъ на столицу. Взрывались днѣпровскіе пороги, устраивались дороги, дворцы и даже цѣлые города: такъ возникли Алешки, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Херсона; еще въ октябрѣ 1786 года этого города совсѣмъ не существовало, а уже въ апрѣлѣ слѣдующаго—онъ былъ отстроенъ, заселенъ малороссіянами и запорожцами. Были приняты энергическія мѣры, чтобы въ разныхъ мѣстахъ, черезъ которыя проѣзжала

императрица, ее встрѣчали и привѣтствовали толпы татаръ, киргизовъ, нагайцевъ и туркменъ.

Устройство дороги въ Крымъ черезъ Кизикерманъ и Перекопъ, по которой долженъ былъ прослѣдовать царственный кортежъ, поручено было полковнику Корсакову при такихъ инструкціяхъ свѣтлѣйшаго: «Сдѣлать богатою рукой, чтобы не уступала римскимъ. Я назову ее Екатеринискій путь». На Днѣпрѣ строились десятки роскошныхъ галеръ въ римскомъ вкусѣ, на которыхъ плыло потомъ 3000 человѣкъ. Самая роскошная была для императрицы «Днѣпръ», построенная съ необычайною пышностью, и «Бугъ» для самого виновника этой единственной въ своемъ родѣ исторической феерін. «Десна» предназначалась для громадной столовой, въ которой императрица давала торжественные обѣды. Вся исторія обновленія «полуденнаго края» и приготовленія его къ встрѣчѣ государыни напоминаетъ по своей размашистости, великолѣпію и обилію принесенныхъ жертвъ затѣи римскихъ царей, сбиравшихъ дани съ цѣлаго міра для увѣковѣченія пышными затѣями своего владычества и воздвигавшихъ постройки, удивлявшія потомковъ. Мы уже говорили объ отзывѣ императора Іосифа II о произведенныхъ Потемкинымъ чудесахъ.

Императрица потому уже должна была придти въ восторгъ отъ всего видѣннаго во владѣніяхъ любимца, что въ малороссійскомъ генералъ-губернаторствѣ Румянцева (котораго императрица неособенно любила), лишенномъ колоссальныхъ средствъ, бывшихъ у Потемкина, видѣли только обыкновенную, печальную, скромную и сѣренькую Русь.

Потемкинъ встрѣтилъ государыню въ Кіевѣ, гдѣ она пробыла довольно долго, частью задерживаемая княземъ, доканчивавшимъ приготовленія къ изумительному спектаклю, котораго свидѣтелемъ былъ конецъ прошлаго вѣка. Князь ничего не забылъ даже о самыхъ небольшихъ бутафорскихъ вещахъ: онъ успѣвалъ прослушивать торжественную ораторію, приготовленную къ пріѣзду Екатерины извѣстнымъ итальянскимъ капельмейстеромъ Сарти. Самъ же свѣтлѣйшій собственноручно написалъ тему, которую долженъ былъ развить въ своемъ привѣтственномъ словѣ Екатеринѣ витія архіепископъ Екатеринославскій и Таврическій Амвросій. На тріумфальныхъ воротахъ въ Перекопѣ по приказанію князя красовалась надпись: «Предпослала страхъ и привнесла миръ».

Разсказываютъ, впрочемъ, что во время пребыванія въ Кіевѣ на князя напалъ припадокъ страшной хандры, которая такъ часто его посѣщала даже на недосягаемой высотѣ власти. Онъ не все время жилъ

во дворцѣ, а пребывалъ въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ его окружала многочисленная толпа льстецовъ, жаждавшая милостей. Во время этихъ припадковъ хандры трудно было приступиться къ князю. Онъ не стѣснялся оказыватьполное неуваженіе даже такимъ лицамъ, какъ графъ Румянцевъ. А знатные и чванливые польскіе паны, прибывшіе въ Кіевъ и составлявшіе оплотъ русской партіи въ Польшѣ, выносили отъ князя страшныя грубости.

Но чуть только путешественники вступили въ собственныя владѣнія князя—его хандра пропала: начался торжественный тріумфъ свѣтлѣйшаго и единодушныя рукоплесканія знатнаго партера.

Нужно сказать, что враги и завистники князя нашептывали Екатеринѣ недобрыя рѣчи. Они говорили, что громадныя суммы, взятыя княземъ изъ казны, издержаны на личныя его прихоти, что никакого флота, городовъ, крѣпостей въ краю нѣтъ и что это пріобрѣтеніе, которымъ гордился князь, стоило мало и въ государственномъ смыслѣ. И тѣмъ пріятнѣе государынѣ было убѣдиться, что все это оказалось напраслиною, взведенною на «дорогого ученика» Екатерины, какъ называла она князя.

Много есть въ литературѣ разсказовъ о впечатлѣніи, произведенномъ на современниковъ чудесами Потемкина. Мы приведемъ только изъ записокъ Гарновскаго сообщеніе Черткова, человѣка неспособнаго къ безшабашной лести.

«Я былъ съ его свѣтлостью,—разсказываетъ Чертковъ,—въ Тавридѣ, Херсонѣ и Кременчугѣ мѣсяца за два до пріѣзда туда Ея Величества. Нигдѣ ничего тамъ не было отмѣннаго; словомъ, я сожалѣлъ, что онъ позвалъ туда государыню по пустому. Пріѣхалъ съ нею, Богъ знаетъ что тамъ за чудеса явилися. Чортъ знаетъ, откуда явилися строенія, войска, людство, татарва, одѣтая прекрасно, казаки, корабли... Какое изобиліе въ яствахъ, напиткахъ, словомъ, во всемъ,—ну, знаешь,—такъ что придумать нельзя, чтобы пересказать порядочно. Я иногда ходилъ, какъ во снѣ, право, какъ сонный—самъ себѣ не вѣрилъ ни въ чемъ, щупалъ себя: я ли? гдѣ я? не мечту ли, не привидѣніе ли вижу? Ну, надобно правду сказать: ему, ему только одному можно такія дѣла дѣлать, и когда онъ успѣлъ все это сдѣлать?»

Только чародѣй Потемкинъ могъ продѣлывать такія вещи.

Мы должны отмѣтить нѣкоторыя подробности этого знаменитаго путешествія, послѣдствіемъ котораго былъ окончательный разрывъ нашъ съ Турціей.

Громадная флотилія галеръ двигалась торжественно по Днѣпру, окруженная со всѣхъ сторонъ шлюпками и челноками. Въ нѣкоторыхъ, наиболѣе живописныхъ мѣстахъ, путники останавливались.

Осматривали берега, по которымъ толпился по праздничному разодѣтый народъ и гдѣ стрѣляли изъ пушекъ, происходили маневры казаковъ, фейерверки Въ Каневѣ состоялось свиданіе Екатерины съ польскимъ королемъ, причемъ современники отмѣтили интересный фактъ для гордаго и могущественнаго Потемкина. При встрѣчѣ съ Станиславомъ Понятовскимъ князь поцѣловалъ у него руку! Это объясняли тѣмъ, что въ то время у временщика, можетъ быть, возникло неустойчивое желаніе получить польскую корону, а такъ какъ по законамъ польскимъ королемъ могъ быть только гражданинъ этого государства и поданный его, то цѣлованіемъ руки у Станислава Августа Потемкинъ торжественно свидѣтельствовалъ свои чувства къ Польшѣ. Какъ бы то ни было, но польскій король и Потемкинъ разстались друзьями, и могущество временщика видно уже изъ того факта, что многіе, посвященные въ дѣла политическія, современники приписывали добрымъ чувствамъ князя къ Понятовскому то обстоятельство, что послѣдній еще нѣсколько лѣтъ продержался на тронѣ.

Съ Кременчуга началось полное торжество Потемкина: съ этого города сразу бросалась въ глаза разница съ только что оставленнымъ малорусскимъ намѣстничествомъ и въ особенности въ устройствѣ военной части. Сомнѣнія, внушенныя государынѣ насчетъ «легкоконныхъ» полковъ, сформированныхъ свѣтлѣйшимъ, сразу разсѣялись, когда Екатерина, высадившись въ Кременчугѣ, увидѣла 60 или 70 блестящихъ эскадроновъ, мчавшихся въ карьеръ на встрѣчу своей повелительницѣ.

— О какъ люди злы! сказала она, указывая на бравую конницу, князю де-Линь, сопровождавшему въ числѣ другихъ дипломатовъ государыню.—Какъ имъ хотѣлось обмануть меня!

Для императрицы въ Кременчугѣ было приготовлено великолѣпное помѣщеніе съ прекраснымъ садомъ. Письма Екатерины къ невѣсткѣ и другимъ лицамъ были восторженны: государыня очаровалась всѣмъ видѣннымъ уже на полдорогѣ, между тѣмъ, какъ дальше, въ Крыму, ее ожидали еще большія чудеса. За Кременчугомъ Екатерина встрѣтилась съ императоромъ Іосифомъ II, путешествовавшимъ подъ именемъ графа Фалькенштейна, и блестящій кортежъ включилъ еще новую царственную особу. Хотя Іосифъ II и былъ строгимъ критикомъ Екатерины и въ особенности Потемкина, но и онъ былъ побѣжденъ многимъ изъ видѣннаго.

Мы не можемъ слѣдить подробно за этою увеселительною поѣздкой Екатерины, но должны отмѣтить ея наиболѣе интересные дальнѣйшіе моменты. Въ Херсонъ Екатерина въѣхала въ великолѣпной

колесницѣ, въ которой сидѣла съ Іосифомъ II и Потемкинымъ. Крѣпость, арсеналъ со множествомъ пушекъ, три готовыхъ на верфяхъ корабля, нѣсколько церквей, красивыя зданія, купеческія суда въ портѣ — вотъ что увидѣли изумленные путники на мѣстѣ, гдѣ за 7, 8 лѣтъ передъ тѣмъ была лишь пустынная степь. Восторгъ государыни не зналъ предѣловъ, хотя ее, такъ сказать, ввезли въ этотъ городъ «параднымъ ходомъ», между тѣмъ какъ Іосифъ II и другіе спутники ея, шныряя по закоулкамъ города и осматривая все, находили недостатки въ исполненіи фортификаціонныхъ работъ, въ постройкѣ кораблей и проч.

Чудная природа Крыма, великолѣпное Черное море, ласкающій, нѣжащій воздухъ, роскошныя горныя панорамы еще сильнѣе подѣйствовали на государыню. Ея письма отсюда къ Гримму и другимъ лицамъ полны дифирамбовъ волшебнику Потемкину. Въ Бахчисараѣ она написала похвальные французскіе стихи въ честь князя, рифмы и достоинства которыхъ не особенно соотвѣтствовали высокому положенію автора. Со времени въѣзда въ Тавриду экипажъ Екатерины окружала блестящая татарская гвардія, составленная Потемкинымъ изъ родовитыхъ мурзъ. Ихъ яркіе костюмы и джигитовка приводили въ восторгъ даже скептика Іосифа II. Но, кажется, самое эффектное зрѣлище было въ Инкерманѣ. Въ спеціально построенномъ для императрицы дворцѣ во время обѣда вдругъ отдернули занавѣсъ, закрывавшій видъ съ балкона; какъ бы по мановенію волшебнаго жезла мурзы и казаки разсыпались въ стороны, и зрители увидѣли великолѣпную Севастопольскую гавань, гдѣ стояли десятки большихъ и малыхъ кораблей,—зачатокъ славнаго Черноморскаго флота. Открылась пальба изъ всѣхъ пушекъ. Екатерина сіяющая, съ огненнымъ взглядомъ провозглашала тосты. Послѣ обѣда государыня вмѣстѣ съ Іосифомъ II поѣхала въ Севастополь на особой шлюпкѣ, заказанной спеціально Потемкинымъ въ Константинополѣ и совершенно сходной съ султанской. Іосифъ II былъ въ восхищеніи отъ гавани и пророчилъ ей великую будущность. И вотъ что онъ писалъ послѣ этого: «Императрица въ восторгѣ отъ такого приращенія силъ Россіи. Князь Потемкинъ въ настоящее время всемогущъ, и нельзя вообразить себѣ, какъ всѣ за нимъ ухаживаютъ». Въ числѣ этихъ ухаживателей былъ и самъ царственный корреспондентъ. Для проѣзда изъ Севастополя по Байдарской долинѣ, тогда почти цѣликомъ принадлежавшей Потемкину, была также устроена новая дорога. Нужно сказать, что князь порою не особенно церемонился съ гостями. Онъ непремѣнно хотѣлъ показать имъ въ одномъ

изъ своихъ имѣній двухъ ангорскихъ козъ, необычайной красоты, и повезъ знатныхъ путешественниковъ по такой убійственной дорогѣ, что придворные экипажи оказались значительно попорченными. Въ Акмечети (Симферополѣ) путники увидѣли садъ въ англійскомъ вкусѣ, который все таки успѣлъ развести князь, а въ Карасубазарѣ, гдѣ онъ имѣлъ прекрасный дворецъ, окруженный садомъ, съ фонтанами и искусственными водопадами, и гдѣ успѣлъ также построить дворецъ и для императрицы,—всѣ были изумлены сказочнымъ фейерверкомъ изъ 300.000 ракетъ.

Вотъ при какой фантастически роскошной обстановкѣ путешествовала Екатерина. Все это невольно напоминаетъ намъ разсказы изъ «Тысячи и одной ночи».

Но наряду съ панегиристами князя были и совершенные антиподы во взглядѣ на его дѣятельность и это сказочное путешествіе. Неоспоримый фактъ, что многое въ помянутой обстановкѣ было показное и достигнуто лишь съ большими жертвами. Но нѣкоторые суровые критики свѣтлѣйшаго, къ числу которыхъ принадлежитъ напр. Гельбигъ, разсказываютъ совершенно невѣроятныя вещи: что большая часть селеній, показанныхъ на пути императрицѣ, были не что иное, какъ театральныя декораціи. Ей показывали нѣсколько разъ одно и то же огромное стадо скота, которое по ночамъ перегоняли съ мѣста на мѣсто. Вмѣсто муки въ мѣшкахъ,—въ интендантскихъ складахъ былъ песокъ и, наконецъ, благодаря полицейскимъ распоряженіямъ, толпы людей, пригнанныхъ издалека, украшали дорогу, по которой ѣхала государыня. Весьма возможно, что кое что въ ходившихъ разсказахъ и было справедливо, въ особенности послѣднее—о «сгонѣ» народа. Но многое въ этихъ разсказахъ, представляющее свѣтлѣйшаго только ловкимъ шарлатаномъ, не можетъ никакимъ образомъ считаться справедливымъ. Правда были несомнѣнно грустные факты: выселеніе татаръ въ Турцію, запустѣніе великолѣпныхъ садовъ, посаженныхъ по велѣніямъ князя, болѣзни и проч. Было много широкихъ неисполнимыхъ начинаній, заброшенныхъ княземъ (вродѣ знаменитаго собора въ Екатеринославѣ, который долженъ былъ на «аршинчикъ» превзойти вышиною могучаго Петра въ Римѣ); но все-таки нужна была его энергія, фантазія, умъ и способности, нужно было, наконецъ, могущество князя, чтобы сдѣлать то хорошее, что дѣйствительно было сдѣлано въ недавно еще управляемомъ имъ краю.

Громадныя награды и наименованіе «Таврическій» были удѣломъ князя послѣ отъѣзда государыни, съ которою онъ разстался *въ Харьковѣ.*

Долго еще отголоски этого путешествія стояли въ Россіи и Европѣ. Екатерину сопровождали многіе посланники и они въ своихъ письмахъ разнесли по всѣмъ странамъ вѣсти о могуществѣ и великолѣпіи князя Тавриды. Но лучшею наградою его были письма государыни, которая долго не могла забыть видѣннаго.

«А мы здѣсь чванимся, — пишетъ она князю на возвратномъ пути изъ села Коломенскаго,—ѣздою и Тавридою, и тамошними генералъ-губернаторскими распоряженіями, кои добры безъ конца и во всѣхъ частяхъ».

Изъ Твери: «Я тебя и службу твою, исходящую изъ чистаго усердія, весьма, весьма люблю, и самъ ты — безцѣнный; сіе я говорю и думаю ежедневно».

Изъ Царскаго Села: «Другъ мой сердечный, Григорій Александровичъ! Третьяго дня окончили мы свое шеститысячеверстное путешествіе и съ того часа упражняемся въ разсказахъ о прелестномъ положеніи мѣстъ Вамъ ввѣренныхъ губерній и областей, о трудахъ, успѣхахъ, радѣніи и усердіи и попеченіи, и порядкѣ, Вами устроенномъ повсюду, и такъ, другъ мой, разговоры наши, почти непрестанные, замыкаютъ въ себѣ либо прямо, либо сбоку, твое имя, либо твою работу".

Эти письма достаточно ясно рисуютъ какъ воспоминанія Екатерины о пережитыхъ впечатлѣніяхъ во время вояжа, такъ и ея искреннюю и глубокую благодарность къ старому другу.

Но за этою, начавшеюся тяжелымъ прологомъ работъ, поглотившихъ не малыя жертвы людьми и деньгами, веселою и великолѣпною поѣздкою Екатерины послѣдовалъ трагическій, кровавый финалъ: новая война съ Турціей, въ которой Потемкину пришлось играть роль полководца. И мы видимъ, что этотъ баловень счастья, почти не знавшій неудачъ, и все легко приводившій въ исполненіе, при неуспѣшномъ началѣ компаніи испытывалъ страшное уныніе и готовъ былъ отказаться отъ многаго, что несомнѣнно составляло его лучшія дѣла.

Утомило ли бремя лѣтъ свѣтлѣйшаго и парализовало его душевныя силы, или онъ началъ ясно понимать неосуществимость своего широкаго плана, но только мы видимъ, что Потемкинъ въ первые мѣсяцы войны обнаруживалъ страшную нерѣшительность и отчаяніе. И тогда намъ представляется трогательное зрѣлище: Екатерина, старая годами, но бодрая духомъ, въ ласковыхъ задушевныхъ письмахъ вливаетъ свѣжую энергію въ душу тоскующаго и отчаявающагося громаднаго ребенка,—какъ называли Потемкина нѣкоторые современники.

ГЛАВА VI.

Очаковъ, Петербургъ и Измаилъ.

Отношенія къ Турціи.—Манифестъ о войнѣ.—Первыя неудачи.—Отчаяніе князя.—Ободряющія письма Государыни.—Первые успѣхи.—Приказъ эскадрѣ Войновича.—Побѣда при Кинбурнѣ.—Нетерпѣніе по поводу Очакова.—Князь жалѣетъ солдатъ.—Байронъ о Потемкинѣ.—Пиры князя.—Штурмъ Очакова.—Лютый морозъ.—Громадная добыча.—Радость по поводу взятія Очакова.—Пышная встрѣча князя.—Стихи Екатерины.—Проявленія силы князя.—Выѣздъ изъ Петербурга.—Знаменитыя побѣды.—Роскошь Потемкина.—„Тебе, Бога, хвалимъ“ съ пушками.—Новый романъ стараго селадона.—Переговоры о мирѣ.—Сцены въ ставкѣ князя.—Письмо Чернышева.—Штурмъ Измаила.

Наши отношенія съ Турціей давно уже были натянутыми. Потеря Крыма и другихъ владѣній на берегахъ Чернаго моря, демонстративная дѣятельность и нескрывавшіеся планы Потемкина, организовавшаго армію, строившаго флотъ, собравшаго массу артиллерійскихъ снарядовъ и оружія во ввѣренной ему странѣ, все это раздражало турокъ. А путешествіе Екатерины принято было за вызовъ. Послы иностранныхъ державъ—англійскій, французскій, прусскій, кромѣ представителя нашего союзника Іосифа II, которымъ было непріятно возвышеніе Россіи и возможность завладѣнія Чернымъ моремъ и Константинополемъ,—поддерживали задоръ турецкаго правительства. Все это не могло повести къ мирнымъ отношеніямъ и 13 августа 1787 г., вскорѣ послѣ отъѣзда Екатерины, нашъ посланникъ въ Константинополѣ Булгаковъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ, а 7 сентября того же года послѣдовалъ манифестъ о разрывѣ съ Турціей. Началась война, сначала печальная для Потемкина, но потомъ завершившаяся блистательными дѣлами: взятіемъ Очакова, Фокшанами, Рымникомъ, Мачиномъ и кровопролитнымъ, почти безпримѣрнымъ въ военной исторіи штурмомъ и взятіемъ неприступной твердыни Измаила. Изъ секретнаго рескрипта Екатерины къ Потемкину, относящемуся еще къ концу 1786 г., видно, какими громадными полномочіями снабжался князь въ вопросѣ отношеній къ туркамъ; ему предназначалась главная роль какъ въ веденіи войны, такъ и въ начинаніи военныхъ дѣйствій. Нашему послу Булгакову было предписано представлять донесенія какъ Императрицѣ, такъ и Потемкину, съ инструкціями котораго посолъ долженъ былъ сообразоваться. Безъ преувеличенія можно сказать, что главнымъ образомъ отъ Потемкина зависѣло начинать эту войну или предотвратить ее искусною политикой или

соотвѣтственными уступками. Показавъ блистательное состояніе края Государынѣ и ея спутникамъ и, можетъ быть, сначала самъ увѣренный въ своихъ силахъ, онъ, однако, когда опасность оказалась близкою, сталъ сомнѣваться въ быстрой успѣшности кампаніи. Изъ писемъ и разговоровъ князя съ Императрицею видно, что ему хотѣлось продлить нашъ миръ съ Турціею, чтобы докончить организацію флота и арміи. И осужденіе исторіи можетъ быть падетъ на князя за то, что онъ, даже самъ сомнѣвавшійся въ своей готовности, дѣйствовалъ однако вызывающе и такимъ образомъ далъ туркамъ возможность воспользоваться нашею оплошностью.

Какъ бы то ни было, война началась и первые ея шаги оправдывали взгляды скептиковъ современниковъ на дѣятельность свѣтлѣйшаго: у него количество войскъ и ихъ вооруженіе оказались въ блестящемъ видѣ больше на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности: не хватало ни снарядовъ, ни провіанта, ни годныхъ для флота людей.

Изъ писемъ Потемкина при началѣ войны видно, какой упадокъ духа онъ испытывалъ и какое отчаяніе имъ овладѣвало. Вызвавъ къ жизни колоссальный греческій проектъ, онъ при самомъ началѣ осуществленія этого плана сталъ сомнѣваться въ его успѣшности. Князь хотѣлъ сдать начальство надъ войсками Румянцеву, командовавшему украинскою арміею, пріѣхать въ Петербургъ, удалиться отъ дѣлъ и жить частнымъ человѣкомъ; доходило даже до того, что онъ предлагалъ вывести войска изъ Крыма и такимъ образомъ почти уступить блестящее свое пріобрѣтеніе Турціи. Всѣ эти душевныя движенія были вполнѣ въ характерѣ князя: горячій и пылкій, онъ могъ намѣтить громадный планъ; могъ приводить его въ исполненіе, когда приходилось тратить колоссальныя средства и жертвы безотвѣтными людьми родины, давно уже тогда привыкшей приносить ихъ. Но неодолимое упорное препятствіе, котораго онъ былъ не въ состояніи побѣдить, сначала приводило его въ бѣшенство и раздраженіе, а потомъ смѣнялось глубокою горестью и апатіей. Тогда онъ могъ только служить молебны и почти плакать въ своихъ письмахъ къ Государынѣ. Можетъ быть тутъ уже сказывались и почтенные годы князя, которому жизнь отъ пресыщенія могла казаться тяжелою обузою, и ничто его уже не способно было горячо занимать. Екатеринѣ, какъ мы говорили, приходилось вливать бодрость духа въ этого колоссальнаго ребенка. «Оставь унылую мысль, ободри свой духъ»—пишетъ ему испытанный другъ. Послѣ отчаяннаго письма свѣтлѣйшаго о страшномъ вредѣ, прине-

сенномъ бурею эскадрѣ Войновича, постройка которой стоила столькихъ заботъ намѣстнику и столько жертвъ родинѣ, она пишетъ:

„Сколько буря была вредна намъ, авось либо столько же была вредна и непріятелю; неужели, что вѣтеръ дулъ лишь на насъ?... Ты упоминаешь о томъ, чтобы вывести войска изъ полуострова... Я надѣюсь, что сіе отъ тебя письмо было въ первомъ движеніи, когда ты мыслилъ, что весь флотъ пропалъ... Приписываю сіе чрезмѣрной твоей чувствительности и горячему усердію; прошу ободриться и подумать, что добрый духъ и неудачу поправить можетъ. Все сіе пишу къ тебѣ, наилучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и болѣе еще имѣетъ расположенія, чѣмъ я сама, но на сей случай я бодрѣе тебя, понеже ты боленъ, а я—здорова... Ни время, ни отдаленность и ничто на свѣтѣ не перемѣнятъ мой образъ мыслей къ тебѣ и о тебѣ“...

Императрица не теряла вѣры въ Потемкина и все повторяла, что былъ бы лишь князь здоровъ, тогда все пойдетъ ладно.

Такъ задушевно писала Государыня къ отчаявшемуся князю, и такія письма должны были пробуждать въ немъ бодрость духа.

Скоро впрочемъ дѣла настолько поправились, что ненавистники князя должны были умолкнуть.

Мы не можемъ слѣдить подробно за этою войною, что завело бы насъ далеко за спеціальные предѣлы очерка. Но мы должны отмѣтить ея главнѣйшіе эпизоды, обрисовывающіе положеніе дѣлъ, а также представляющіе дополнительныя черты къ обрисованному нами въ главныхъ контурахъ характеру полководца.

Отмѣтимъ прежде всего отношеніе къ войнѣ главныхъ персонажей—Потемкина и Екатерины. Потемкинъ, надѣясь на свой черноморскій флотъ, приказалъ контръ-адмиралу Войновичу «произвести дѣло—хотя бы всѣмъ погибнуть»—сказано въ его ордерѣ,—«но должно показать свою неустрашимость къ нападенію и истребленію непріятеля. Сіе объявить всѣмъ офицерамъ вашимъ. Гдѣ завидите флотъ турецкій, атакуйте его во что бы то ни стало, хотя бы всѣмъ пропадать...» А Императрица, послѣ того какъ получила отъ князя извѣстіе о намѣреніи его покинуть армію, выражалась такимъ образомъ: «Честь моя и собственная княжая требуютъ, чтобы онъ не удалялся въ нынѣшнемъ году изъ арміи, не сдѣлавъ какого либо славнаго дѣла, хотя бы Очаковъ взяли...»

Эскадру Войновича, какъ нѣкогда знаменитую армаду Филиппа II испанскаго, истребили не враги, а бури. Этотъ печальный эпизодъ, какъ мы уже знаемъ, страшно поразилъ князя. Его отчаяніе было видно изъ писемъ къ Императрицѣ. Но потомъ произошли событія, которыя немного излечили Потемкина отъ хандры. Нѣсколько

удачныхъ морскихъ стычекъ поправили славу черноморскаго флота, а неудачное нападеніе турокъ на Кинбурнъ, отраженное побѣдоноснымъ Суворовымъ, превратилось для нападавшихъ въ настоящее пораженіе. Надежды свѣтлѣйшаго воскресли. Но все таки его оборонительныя дѣйствія и отсутствіе наступательныхъ приводили всѣхъ въ недоумѣніе. Цѣль компаніи 1787 г.—завладѣніе Очаковымъ не достигалась: спачала и самъ Потемкинъ, и его доброжелательница полагали, что Очаковымъ придется овладѣть скоро, но онъ продержался до конца 1788 г. Государыня обнаруживала страшное нетерпѣніе и во многихъ письмахъ спрашивала: «Скоро ли сдастся Очаковъ?» Многіе не понимали, почему Потемкинъ долго не рѣшался на штурмъ этой крѣпости. Онъ объяснялъ это желаніемъ не терять людей въ отчаянномъ приступѣ, а довести крѣпость до сдачи блокадою.

Въ этомъ случаѣ обнаружилась интересная черта въ Потемкинѣ. Самъ несомнѣнно храбрый и нѣсколько разъ рисковавшій жизнью во время перваго года этой компаніи (около него свистали пули и падали ядра), онъ выражалъ искреннюю скорбь при гибели солдатъ. Можетъ быть тутъ сказались черты пресыщеннаго, изнѣженнаго сибарита, нервы котораго коробило страданіе, происходившее на его глазахъ. Этотъ человѣкъ, который въ исполненіи своихъ гигантскихъ мирныхъ плановъ, распоряжаясь ими издали,—уложилъ десятки тысячъ людей, теперь жалѣлъ около себя сотни солдатъ и допекалъ генія войны—Суворова за его смѣлыя выходки, стоившія большихъ уроновъ.

Вотъ чудный куплетъ изъ Байроновскаго Донъ-Жуана о Потемкинѣ:

Тогда жилъ мужъ, по силѣ Геркулесъ,
Судьбою безпримѣрно отличенный.
Какъ метеоръ, блеснулъ онъ и исчезъ
Внезапною болѣзнью пораженный,
Одинъ въ степи, подъ куполомъ небесъ...

И этотъ человѣкъ, раззорившій ради осуществленія гигантскихъ плановъ, внушенныхъ колоссальнымъ честолюбіемъ, цѣлую страну, затруднялся потерею сотенъ солдатъ при осуществленіи начала своего громаднаго греческаго проекта. Слѣдуетъ добавить, однако, для освѣщенія характера Потемкина, богатаго противорѣчіями, что и въ тяжелые дни осады Очакова для развлеченія скучавшаго сотрапа въ его главной квартирѣ около роскошно убранной ставки гремѣлъ каждый вечеръ громадный оркестръ, подъ управленіемъ Сарти, устраивались пиры и праздники—эта folle journée, тянувшаяся недѣли и мѣсяцы.

Однако медлить долго было нельзя: въ Петербургѣ недоброжелатели князя громко говорили о его промахахъ, и сама Императрица

высказывала неудовольствіе. Потемкинъ долженъ былъ рѣшиться на штурмъ Очакова—и онъ рѣшился. Князь обѣщалъ солдатамъ всю добычу (даже пушки и казну), которая будетъ взята въ крѣпости. Послѣ страшнаго кровопролитія, Очаковъ былъ взятъ 6 декабря 1788 г. Стоялъ лютый морозъ и, по преданію, кровь, лившаяся изъ ранъ, моментально застывала. Разсказываютъ, что Потемкинъ во все время штурма, рѣшавшаго судьбу его славы, сидѣлъ на батареѣ, подперши голову рукой и повторяя постоянно: «Господи, помилуй!» Грабежъ и кровопролитіе въ городѣ продолжались три дня. Добыча была громадна. На долю Потемкина между прочимъ достался великолѣпный изумрудъ, величиною съ куриное яйцо, который онъ подарилъ Государынѣ.

Извѣстіе о взятіи Очакова произвело потрясающее дѣйствіе въ Петербургѣ: враги Потемкина должны были прикусить языки, а Императрица возликовала: ея надежды на «друга и ученика» оправдались—онъ пристыдилъ своихъ враговъ! «За ушки взявъ обѣими руками», писала Екатерина Потемкину послѣ полученія извѣстія о взятіи Очакова, «мысленно тебя цѣлую, другъ мой сердечный... Всѣмъ ты рты закрылъ, и симъ благополучнымъ случаемъ доставляется тебѣ еще способъ оказать великодушіе слѣпо и вѣтренно тебя осуждающимъ!» Забыты были всѣ огорченія, страшныя жертвы, тысячи погибшихъ солдатъ, и честь князя и его повелительницы были спасены.

Послѣ взятія Очакова, князь, проживъ нѣкоторое время въ Херсонѣ для распоряженій по части кораблестроенія, отправился въ Петербургъ. Вѣроятно, тріумфъ Марія послѣ побѣды надъ кимврами и тевтонами не былъ болѣе великолѣпенъ, чѣмъ свѣтлѣйшаго.

Въ Петербургѣ готовились къ пышнымъ торжествамъ, ожидая князя. Послѣдовали распоряженія объ иллюминаціи въ Царскомъ Селѣ мраморныхъ воротъ, объ украшеніи ихъ арматурами и подписью изъ оды Петрова: «Ты съ плескомъ внидешь въ храмъ Софіи!» Екатерина была увѣрена въ дальнѣйшихъ быстрыхъ успѣхахъ Потемкина. «Онъ будетъ въ нынѣшнемъ году въ Царьградѣ» говорила она Храповицкому.

Царственная поэтесса къ пріѣзду князя написала стихи въ честь покорителя Очакова:

О пали, пали—съ звукомъ, съ трескомъ
Пѣшецъ и всадникъ, конь и флотъ!
И самъ—со громкимъ вѣрныхъ плескомъ—
Очаковъ—силы ихъ оплотъ!

Расторглись крѣпки днесь заклепны
Самъ Бугъ и Днѣпръ хвалу рекутъ
Струи Днѣпра великолѣпны
Шумняе въ море потекутъ.

Сохранилось много воспоминаній объ этой поѣздкѣ героя Очакова, рисующихъ какъ интересныя бытовыя черты того времени, такъ и то униженное поклоненіе, которое проявляли всѣ въ Россіи по отношенію къ могущественному князю. Въ городахъ, въ дни ожиданія свѣтлѣйшаго, по цѣлымъ суткамъ звонили въ колокола, огромныя толпы народа выходили далеко на дорогу для встрѣчи его; всѣ власти—съ губернатора до мелкихъ чиновниковъ, затянутые въ мундиры, трепетно ждали князя. А онъ—могущественный сатрапъ—проходилъ между этой раззолоченной, склонявшейся передъ нимъ толпой, небрежно, не говоря ни съ кѣмъ ни слова и часто не отвѣчая даже кивкомъ головы на подобострастные поклоны окружающихъ.

Въ воспоминаніяхъ одного современника очевидца, видѣвшаго въ эту поѣздку князя въ Харьковѣ, разсказывается:

«На другой, по пріѣздѣ, праздничный день ожидали князя въ соборъ. Свѣтлѣйшій пришелъ уже послѣ „Достойно“ и остановился не на приготовленномъ для него сѣдалищѣ подъ балдахиномъ, а съ правой стороны амвона, посреди церкви; взглянулъ вверхъ, во всѣ четыре конца. „Церковь не дурна“, сказалъ онъ вслухъ губернатору Кишенскому, вслѣдъ затѣмъ одною рукою взялъ изъ кармана и нюхнулъ табаку, другою вынулъ что-то изъ другого кармана, бросилъ въ ротъ и жевалъ; еще взглянулъ вверхъ; царскіе врата отворялись; повернулся въ экипажъ и уѣхалъ. Былъ онъ съ ногъ до головы въ такомъ видѣ: въ бархатныхъ широкихъ сапогахъ, въ венгеркѣ, крытой малиновымъ бархатомъ съ собольей опушкой, въ большой шубѣ крытой шелкомъ, съ бѣлою шалью около шеи, съ лицомъ, повидимому, неумытымъ, бѣлымъ и полнымъ, но болѣе болѣзненнымъ, чѣмъ свѣжимъ, съ растрепанными волосами на головѣ; показался мнѣ Голіафомъ».

«Голіафъ» прибылъ въ Петербургъ 4 февраля 1789 г. вечеромъ, по иллюминованному пути отъ Царскаго Села до самой столицы и занялъ свое обычное помѣщеніе въ Эрмитажѣ. Екатерина, желая особенно почтить князя Таврическаго, предупредила его представленіе и сама первая посѣтила его. Не будемъ говорить о томъ, какія сцены тогда происходили въ Петербургѣ, и какое могущество представлялъ князь, заслонившій своею колоссальною фигурою мелкую придворную толпу. Въ честь свѣтлѣйшаго давали балы, и весь городъ перебывалъ у него съ нижайшими поклонами. Еще ранѣе онъ получилъ за Очаковъ Георгія I-й степени,—отличіе, дававшееся

обыкновенно только высочайшимъ особамъ; но теперь на него вновь пролились неслыханныя награды отъ благодарной императрицы.

Во всемъ была видна могучая рука Потемкина за это время пребыванія его въ Петербургѣ: въ ходѣ дѣлъ со Швеціей, Польшею и Пруссіей. Его вліяніе на государыню и довѣріе послѣдней къ побѣдоносному вождю выразилось яснѣе всего въ томъ фактѣ, что Потемкину были поручены обѣ арміи: украинская—Румянцева и екатеринославская, такъ что онъ явился полководцемъ всѣхъ военныхъ силъ на югѣ и юго-западѣ. Знаменитый и несправедливо обиженный Задунайскій уѣхалъ въ свою малороссійскую деревню.

Потемкинъ выѣхалъ изъ Петербурга 5 мая 1789 г. Онъ не предчувствовалъ, что это пребываніе въ столицѣ являлось послѣднимъ тріумфомъ и что скоро его звѣзда должна была померкнуть. Но онъ уѣзжалъ какъ тріумфаторъ, могущественный болѣе, чѣмъ когда-нибудь, сопровождаемый на пунктахъ своихъ остановокъ ласковыми, задушевными письмами императрицы, жалѣвшей о его нездоровьѣ и надѣявшейся на его дальнѣйшіе подвиги, долженствовавшіе возвѣстить всему міру о «Минервѣ» и ея достойномъ сподвижникѣ. Посылая ему, напримѣръ, медали съ его портретомъ, она писала: «Я въ нихъ любовалась какъ на образъ твой, такъ и на дѣла того человѣка, въ которомъ я никакъ не ошиблась, знавъ его усердіе и рвеніе ко мнѣ и къ общему дѣлу, совокупленно съ отличными дарованіями души и сердца».

Этотъ годъ, 1789-й, какъ извѣстно, ознаменовался блестящими военными дѣлами русскихъ армій на югѣ: взятіемъ Бендеръ, Фокшанами, занятіемъ Аккермана и знаменитою побѣдою Суворова при Рымникѣ. Мы должны отмѣтить то обстоятельство, что князь оказался благороднымъ и благодарнымъ по отношенію къ Суворову, хотя впослѣдствіи между ними происходили размолвки. Онъ писалъ Суворову: «Объемлю тебя лобызаніемъ, искренними и крупными словами свидѣтельствую свою благодарность!» Онъ просилъ Екатерину наградить знаменитаго полководца безпримѣрно щедро.

Крупныя дѣла дѣлали для Потемкина его талантливые полководцы: Суворовъ, князь Репнинъ, Ушаковъ и другіе, а самъ свѣтлѣйшій провелъ часть компаніи 1789 и почти всего 1790 г. вдали отъ военныхъ дѣйствій. Онъ жилъ въ Дубоссарахъ, а затѣмъ въ Яссахъ и Бендерахъ. Ставка его была необычайно великолѣпна, вокругъ нея былъ посаженъ полковникомъ Бауеромъ садъ въ англійскомъ вкусѣ. На поляхъ битвъ лилась кровь, раздавались стоны и свирѣпые крики, а у князя царили невиданная роскошь и веселье. Сарти съ дву-

мя хорами музыки ежедневно забавлялъ публику. Около Потемкина вился рой красавицъ, ставились балеты, происходили балы, праздники, театральныя представленія. Сарти положилъ на музыку побѣдную пѣснь: «Тебе, Бога, хвалимъ» — и къ ней была прилажена батарея изъ десяти пушекъ, которая по знакамъ стрѣляла въ тактъ, а когда пѣли «Святъ, Святъ», тогда изъ орудій производилась скорострѣльная пальба. Музыка во вкусѣ «свѣтлѣйшаго»!

Къ этому времени относится крайне интересный романъ Потемкина, этого пятидесятилѣтняго селадона, пылкость чувствъ котораго не остывала съ годами. Но этотъ романъ, кажется, не отличался тѣми грубыми реалистическими чертами, какъ прежнія похожденія князя. Можетъ быть утомленная и пресыщенная наслажденіями, душа князя жаждала привязанности съ платоническими, идеальными чертами, проглядывающими въ перепискѣ его съ новою избранницею. Это была Прасковья Андреевна Потемкина, жена внучатнаго брата свѣтлѣйшаго, П. С. Потемкина, урожденная Закревская. Замѣчательная красавица, она зажгла такое пылкое пламя въ сердцѣ свѣтлѣйшаго, что онъ, наполненный этою привязанностью, все забывалъ: и славу, и дѣла, и кровавыя сцены войны. Вотъ коротенькія выдержки изъ посланій князя къ этой женщинѣ,— всѣ письма къ которой были одинаково горячи и восторженны.

«Жизнь моя,—писалъ старый грѣшникъ,—душа общая со мною! Какъ мнѣ изъяснить словами мою къ тебѣ любовь, когда меня влечетъ къ тебѣ непонятная сила, и потому я заключаю, что наши души съ тобою сродныя... Нѣтъ минуты, моя небесная красота, чтобы ты выходила у меня изъ памяти! Утѣха моя и сокровище мое безцѣнное,—ты даръ Божій для меня... Изъ твоихъ прелестей неописанныхъ состоитъ мой экстазисъ, въ которомъ я вижу тебя передъ собою... Ты мой цвѣтъ, украшающій родъ человѣческій, прекрасное твореніе... О если-бы я могъ изобразить чувства души моей о тебѣ»!

Вотъ какимъ пылкимъ и нѣжнымъ Ромео бывалъ этотъ страшный человѣкъ, заставлявшій трепетать передъ собою народы! Мы утомили-бы читателя перечисленіемъ благодарственныхъ писемъ императрицы къ князю, всѣхъ наградъ, почестей, подарковъ, сыпавшихся на него въ это время. Упомянемъ лишь о стоившемъ огромныхъ суммъ лавровомъ брилліантовомъ вѣнкѣ, присланномъ Екатериною Потемкину за занятіе Бендеръ. Это были необычайныя милости, и это время представляло, кажется, апогей могущества и славы великолѣпнаго князя Тавриды.

Но уже въ письмахъ государыни можно было-бы усмотрѣть и маленькую черную точку, которая постепенно разрослась въ грозную для князя тучу...

Несмотря на то, что князя ждали въ Петербургѣ по окончаніи осеннихъ военныхъ дѣйствій, и для него были приготовлены великолѣпные аппартаменты во дворцѣ, онъ, однако, не поѣхалъ въ столицу въ 1789 г.

Хотя побѣды компаніи этого года и были блестящи, но положеніе войска и разоренной страны являлось такимъ тяжелымъ, что Потемкинъ не скрывалъ уже самъ этого передъ государыней, которая начинала думать о мірѣ. И 1790-й г. былъ посвященъ переговорамъ объ этомъ. Зимою 1889 — 90 гг. военныхъ дѣйствій не происходило, а князь проживалъ, какъ мы сказали ранѣе, съ невиданною роскошью въ Яссахъ, а затѣмъ въ Бендерахъ, гдѣ у него дежурилъ цѣлый штабъ красавицъ: Потемкина, Де-Виттъ, Гагарина, Долгорукая и другіе. Тутъ-то происходили тѣ гомерическія пиры и безумно расточительныя выходки князя, удивлявшія современниковъ и легендарныя сказанія о которыхъ перешли въ потомство. Здѣсь гремѣлъ оркестръ Сарти изъ 300 человѣкъ, грохотали орудія при тостахъ за красавицъ, раздавались дамамъ во время десерта цѣлыми ложками бриліанты. Ухаживая за Гагариной, князь, по причинѣ ея беременности, обѣщалъ этому новому предмету страсти собрать мирный конгрессъ въ ея спальнѣ. Отсюда летали курьеры за башмаками и лентами для дамъ въ Парижъ. Здѣсь-же разъ произошла сцена, испугавшая присутствовавшихъ. Слишкомъ вольно обращавшійся съ женщинами. Потемкинъ однажды послѣ обѣда у себя, въ большомъ обществѣ, схватилъ княгиню Гагарину за талію, та отвѣтила ему пощечиной. Взбѣшенный сатрапъ всталъ и, не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты. Гости похолодѣли отъ ужаса. Но у князя нашлось настолько такта, чтобы отнестись къ этому, какъ къ невинной шуткѣ: немного погодя, онъ улыбающійся вышелъ изъ кабинета и преподнесъ Гагариной въ знакъ примиренія дорогую бездѣлушку.

Приведемъ кстати разсказъ о происшедшей здѣсь-же сценѣ, характеризующей заносчивость и грубость, порою обнаруживавшіяся въ князѣ при совсѣмъ неподобающей обстановкѣ и даже съ лицами, за женами которыхъ онъ ухаживалъ. Потемкинъ какъ-то за параднымъ обѣдомъ сталъ бранить одного изъ своихъ генераловъ—Кречетникова,—а князь Долгорукій защищалъ бранимаго. Свѣтлѣйшій до того разсердился, что схватилъ Долгорукаго за георгіевскій крестъ, сталъ его дергать и сказалъ:

— Какъ ты смѣешь защищать его? Ты, которому я изъ милости *далъ сей* орденъ, когда ты во время Очаковскаго штурма струсилъ!

Вставши изъ за стола, князь, однако, вскорѣ подошелъ къ находившимся тутъ австрійскимъ генераламъ и сказалъ:

— Извините, господа, я забылся! Я съ нимъ обошелся такъ, какъ онъ заслуживаетъ.

Страшно чувственный князь не довольствовался имѣвшимся у него въ ставкѣ гаремомъ красавицъ: ему нужны были новыя и новыя, какъ Донъ-Жуану, жертвы. Вотъ, напримѣръ. характерная выдержка изъ письма (относящагося къ болѣе позднему времени) графа Чернышева изъ лагеря подъ Измаиломъ:

«Кромѣ общественныхъ баловъ, бывающихъ еженедѣльно по два, три раза, у князя каждый день собирается немноголюдное общество въ двухъ маленькихъ комнатахъ, великолѣпно убранныхъ; въ оныхъ красуется вензель той дамы, въ которую князь влюбленъ. Тамъ бываютъ одни приглашенные... Впрочемъ, Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится, ибо ждутъ Браницкую, и уже посланъ офицеръ встрѣтить ее. Г-жа Л. должна немедленно пріѣхать и везетъ съ собою молоденькую дѣвушку, лѣтъ 15, 16-ти, прелестную, какъ амуръ...»

Старанія князя, давно, вѣроятно, разочаровавшагося въ скоромъ осуществленіи крупныхъ плановъ, о мирѣ не увѣнчивались успѣхомъ. Конечно, миръ, послѣ такихъ блестящихъ успѣховъ русскаго оружія, долженъ былъ бы быть почетнымъ для насъ; между тѣмъ, Порта, вѣроятно подзадориваемая иностранными державами, не особенно спѣшила вести переговоры и дѣлать уступки. Нужно было сломить упорство Турціи и взять ея послѣдній оплотъ на театрѣ войны—твердыню Измаила. Для совершенія этого дѣла, конечно, лучше всего было назначить Суворова.

Взятіе Измаила считается самымъ знаменитымъ эпизодомъ компаніи 1790 г. и однимъ изъ безпримѣрнѣйшихъ въ исторіи. Не даромъ оно вдохновило геній Байрона, посвятившаго ему столько чудныхъ строкъ въ Донъ-Жуанѣ. Сначала князь надѣялся, что крѣпость сдастся безъ кровопролитія. Но этого не произошло, и рѣшено было штурмовать ее. Всѣ авторитеты того времени полагали, что это страшное дѣло невозможно. Существуетъ преданіе, что Потемкинъ, когда штурмъ уже былъ рѣшенъ, устрашенный опасностью неудачи, предоставилъ Суворову свободу не отваживаться на приступъ. Есть и совсѣмъ легендарный разсказъ о томъ, чѣмъ вызвано рѣшеніе князя однимъ ударомъ покончить съ Измаиломъ. Говорятъ, что, когда ему Де-Виттъ, гадая на картахъ, сказала, что Измаилъ сдастся черезъ три недѣли, Потемкинъ отвѣтилъ съ улыбкою: «Я умѣю гадать лучше васъ!» и въ ту же минуту послалъ Суворову приказъ взять Измаилъ во что бы то ни стало приступомъ.

Какъ бы то ни было, Суворовъ поспѣшилъ къ стѣнамъ Измаила и, встрѣтивъ уже отступавшія войска, вернулъ ихъ на прежнія позиціи. 3-го декабря онъ самъ вновь размѣстилъ ихъ. Четыре дня прошли въ безуспѣшныхъ переговорахъ съ сераскиромъ о сдачѣ. А утромъ 11 декабря 1790 г. Суворовъ рапортовалъ Потемкину: «Нѣтъ крѣпче крѣпости, ни отчаяннѣе обороны, какъ Измаилъ, падшій передъ трономъ Е. И. В. кровопролитнымъ штурмомъ. Нижайше поздравляю Вашу Свѣтлость».

Страшное и невозможное дѣло совершилось. Курьеромъ къ государынѣ объ этомъ новомъ подвигѣ войскъ былъ отправленъ Валеріанъ Зубовъ, братъ Платона.

Мы избавляемъ читателя отъ изображенія подробностей этого свирѣпаго штурма, гдѣ люди превратились въ звѣрей и дрались до остервенѣнія; приведемъ только нѣсколько прекрасныхъ строкъ изъ Байроновскаго «Донъ-Жуана»:

Надъ крѣпостью раздался крикъ: «Аллахъ!»,
Зловѣщій грохотъ битвы покрывая
И повторился онъ на берегахъ;
Его шептали волны, повторяя;
Онъ былъ и вызывающъ, и могучъ,
И даже, наконецъ, изъ темныхъ тучъ
Святое имя это раздавалось
«Аллахъ, Аллахъ»! повсюду повторялось.

. . . .

Сдавался шагъ за шагомъ Измаилъ,
И превращался въ мрачное кладбище.

. . . .

Нѣтъ, не сдались твердыни Измаила,
А пали подъ грозою. Тамъ ручьемъ,
Алѣя, кровь струи свои катила...

. . . .

Штыки вонзались, длился смертный бой,
И здѣсь и тамъ людей валились кучи;
Такъ осенью, уборъ теряя свой,
Въ объятыхъ бури стонетъ лѣсъ дремучій...

Разсказываютъ, однако, что послѣ этого знаменитаго дѣла, у Суворова съ Потемкинымъ произошла размолвка.

— Чѣмъ я могу наградить ваши заслуги, графъ Александръ Васильевичъ?—спросилъ Потемкинъ героя при свиданіи.

— Ничѣмъ, князь,—отвѣчалъ раздражительно Суворовъ:—я не купецъ и не торговаться сюда пріѣхалъ: кромѣ Бога и государыни меня никто наградить не можетъ!

Этотъ отвѣтъ раздражилъ князя: онъ поблѣднѣлъ и отвернулся.

Передъ знаменитыми пособниками Потемкина падали на югѣ неприступныя твердыни, а тамъ, на сѣверѣ, былъ у князя противникъ, который давалъ себя чувствовать. Это былъ Зубовъ, вліяніе котораго все возростало. До князя доходили объ этомъ точныя вѣсти, и, можетъ быть, вліяніе Зубова отражалось уже на рѣшеніяхъ государыни, которыя не всегда точно соотвѣтствовали желаніямъ князя. Несмотря на то, что князю нужно было бы остаться на мѣстѣ, такъ какъ послѣ взятія Измаила ожидались мирныя предложенія Порты, и, несмотря на то, что государынѣ отъѣздъ князя былъ не особенно желателенъ, Потемкинъ поѣхалъ въ Петербургъ въ февралѣ 1791 г. Это была послѣдняя его поѣздка туда: сваливши твердыню Измаила, онъ потерялъ сраженіе съ Зубовымъ и нашелъ себѣ смерть въ опустошенномъ войною краю.

ГЛАВА VII.

Конецъ Потемкинской феерiи.

Послѣдняя поѣздка князя въ Петербургъ.—Свидѣтельство Болотова о великихъ «приготовленіяхъ» къ пріѣзду князя.—Пребываніе въ Петербургѣ.—Указанія на размолвки съ государыней.—Столкновенія съ Зубовымъ.—Сцена съ камеръ-юнкеромъ Голынскимъ. — Праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ. — Чудовищная роскошь этого торжества.—Слезы Потемкина.—Необходимость отъѣзда въ армію князя.—Причины, задержавшія его въ Петербургѣ.—Фактъ изъ письма Завадовскаго.—Успѣхи на войнѣ Репнина.—Рѣшительное слово Екатерины.—Отъѣздъ князя на югъ.—Послѣднія письма государыни къ князю.—Болѣзнь его.—«Канонъ Спасителю».—Погребальныя дроги въ Галацѣ.—Предчувствія близкой кончины.—Предсмертное письмо Потемкина.—Кончина его.—Стихи Державина.—Впечатлѣніе смерти князя.—Отчаяніе императрицы.—Отзывы современниковъ.—Характеристика князя государынею въ письмѣ къ Гримму.—Наслѣдство князя.—Его долги.—Исторія съ могилою Потемкина.—Резюме.

Послѣдняя поѣздка Потемкина въ Петербургъ сопровождалась тѣми же торжественными сценами, какъ и первая, послѣ Очакова. Въ запискахъ Болотова, достовѣрнаго свидѣтеля тогдашнихъ временъ, объ ожиданіи князя въ Серпуховѣ, на пути къ Москвѣ, сказано: «Лошади, приготовленныя подъ него, стояли фрунтомъ. Судьи же вмѣстѣ съ московскимъ губернаторомъ, прискакавшимъ для срѣтенія онаго, были всѣ распудрены и въ тяжкихъ нарядахъ». А о приготовленіяхъ въ Лопаснѣ тотъ же очевидецъ пишетъ: «Мы нашли и тутъ великія пріуготовленія къ пріѣзду княжескому и видѣли

разставленныя повсюду дегтярныя бочки для освѣщенія въ ночное время пути сему вельможѣ. Словомъ, вездѣ готовились принимать его, какъ бы самого царя».

Вся Москва гремѣла и занималась княземъ, пріѣхавшимъ туда на послѣдніе дни масленицы. Вся знать собиралась къ нему для идолопоклонства. Всюду приказано было исправлять дороги для Потемкина и императрица отправила къ нему на встрѣчу графа Безбородко.

Государыня ждала своего друга съ радостью, вельможи же, которыхъ онъ заслонялъ своимъ присутствіемъ, съ ненавистью. Среди всей придворной толпы одинъ только не боялся предстоявшей встрѣчи—это Зубовъ. Страшно честолюбивый и затаившій ненависть противъ Потемкина, не дававшаго ему быть «первою персоною» въ государствѣ, онъ, поощряемый большою партіею при дворѣ и благоволеніемъ государыни, вздумалъ сломить гиганта и повторить въ своей особѣ его величіе и могущество. Борьба эта для Зубова, благодаря неизмѣримымъ милостямъ государыни, кончилась съ успѣхомъ; но на то, чтобъ замѣнить Потемкина, у Зубова «не хватило пороху»...

Встрѣча князя въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ 28 февраля 1791 года, была необыкновенна по своей пышности. Роль его въ устройствѣ всѣхъ тогдашнихъ государственныхъ дѣлъ, по прежнему, была самая главная; но хотя императрица и относилась къ нему постарому благосклонно, однако порою замѣчалось съ ея стороны какъ бы какое-то тайное предубѣжденіе противъ князя,—вѣроятно, результатъ навѣтовъ Зубова... Князь Потемкинъ, по самому своему характеру, не имѣлъ особенныхъ способностей къ мелкимъ интригамъ: онъ привыкъ сокрушать смаху, однимъ ударомъ, но не валилъ противника «подъ ножку». И, понятно, этотъ Голіафъ не могъ терпѣть совмѣстничества во власти съ Зубовымъ.

О прямыхъ столкновеніяхъ между соперниками не имѣется данныхъ, но слишкомъ много было и косвенныхъ причинъ, чтобъ разжечь эту вражду. Державинъ, напримѣръ, разсказываетъ про такой случай. Маіоръ Бехтѣевъ, въ присутствіи многихъ лицъ, громко жаловался Потемкину на отца Зубова, который ограбилъ его, отнявъ у маіора. безъ всякаго права, деревню. Этотъ старый Зубовъ, пользуясь близостью сына къ Екатеринѣ, отличался безобразными и беззаконными дѣйствіями, возмущавшими даже тогдашнее не особенно разборчивое общество. Потемкинъ защитилъ Бехтѣева, заставивъ отца Зубова уладить это дѣло, чѣмъ конечно сильно задѣлъ самолюбіе сына. Еще менѣе молодой временщикъ могъ простить князю

случай, о которомъ самъ впослѣдствіи разсказывалъ: Потемкинъ оказался главнымъ виновникомъ того, что Зубовъ былъ вдвое менѣе богатъ.

Однажды императрица объявила П. Зубову, что даритъ ему за заслуги имѣніе въ Могилевской губерніи, заселенное 11.000 душъ крестьянъ, но потомъ спохватилась, вспомнивъ, что имѣніе это уже подарено Потемкину. Тогда она за столомъ сказала князю:

— Продай мнѣ твое могилевское имѣніе!

Потемкинъ, догадываясь, для кого предполагается покупка, покраснѣлъ до ушей и, быстро оглянувшись, отвѣчалъ, что исполнить желаніе государыни не можетъ, такъ какъ имѣніе вчера продалъ— «вотъ ему!»,—и онъ указалъ на стоявшаго за его креслами молодого камеръ-юнкера Голынскаго. Императрица, догадавшись, что Потемкинъ узналъ ея намѣреніе и сильно смутившись, спросила Голынскаго съ замѣшательствомъ:

— Какъ же ты это купилъ имѣніе у свѣтлѣйшаго?

Потемкинъ, предупреждая отвѣтъ, метнулъ мнимому покупщику выразительный взглядъ и догадливый Голынскій глубокимъ поклономъ государынѣ подтвердилъ выдумку князя Таврическаго.

Въ этомъ поступкѣ видѣнъ гигантскій размахъ «великолѣпнаго князя»: онъ не пожалѣлъ громаднаго богатства, швырнывъ его юношѣ, чтобъ это богатство не досталось Зубову.

Но въ этой борьбѣ «Голіафа» съ ничтожнымъ пигмеемъ много шансовъ было и на сторонѣ послѣдняго. Хотя въ глазахъ императрицы князь и имѣлъ за себя громадныя заслуги и даже подавлялъ ее силою своей личности, почти гипнотизируя государыню, такъ что она шла на встрѣчу многимъ его желаніямъ; но онъ уже опускался, тогда какъ Зубовъ поднимался; Потемкинъ долженъ былъ вскорѣ уѣхать на югъ, Зубовъ оставался при государынѣ, которая находила отраду въ задушевныхъ бесѣдахъ съ новымъ для нея человѣкомъ. Нужно еще сказать, что старѣвшая императрица часто въ это время недомогала: ее печалило тяжелое состояніе государства, измученнаго войнами, внѣшнія усложнявшіяся дѣла и отсутствіе мирныхъ предложеній со стороны Турціи. А затѣмъ и въ отношеніяхъ домашнихъ къ «малому двору»—были недоразумѣнія, которыя разстраивали ее. И возможно, что Екатеринѣ досаждали порою чрезмѣрныя требованія «свѣтлѣйшаго»; она ждала мира и спокойствія и ее пугали новыя осложненія. Какъ бы то ни было, но придворная хроника того времени сохранила разсказы о многихъ размолвкахъ этихъ двухъ крупныхъ персонажей прошлаго вѣка за

послѣдніе дни ихъ встрѣчъ. Слышали мрачный голосъ князя, замѣчали нѣкоторые публично-выраженные знаки недовольства Государыни «свѣтлѣйшимъ». Но конечно общій тонъ отношеній Екатерины къ своему возвеличенному другу оставался попрежнему благосклоннымъ: на него сыпались милостивые знаки вниманія, награды и подарки.

28 апрѣля 1791 года данъ былъ Потемкинымъ великолѣпный праздникъ во вновь подаренномъ ему императрицею Таврическомъ дворцѣ, затмившій своею чудовищною роскошью прежніе пиры этого мота. Праздникъ этотъ — лебединая пѣснь «великолѣпнаго князя Тавриды»—былъ фантастическою сказкою, выхваченною изъ воображенія какого нибудь необузданно восторженнаго поэта. Въ нѣсколько дней передъ дворцомъ, по повелѣнію «свѣтлѣйшаго», образовали большую площадь, простиравшуюся до самой Невы: снесли заборы и зданія, расчистили мѣсто. Воздвигли тріумфальныя ворота и устройства для иллюминаціи. На образовавшейся площади предполагалось празднество для народа: были разставлены закуски, медовый квасъ, пиво, сбитень, а также и развѣшаны подарки,— сапоги, шляпы, кушаки и пр. Но, увы! то, что предназначалось для забавы народа, окончилось для него печально: празднество должно было начаться въ моментъ прибытія государыни, но народъ раньше этого накинулся на выставленное для него угощеніе. Потребовалось вмѣшательство полиціи и произошло нещадное избіеніе толпы.

Внутреннимъ устройствомъ дворца и выработкою программы праздника занимался самъ князь. Какъ размѣры зданія, такъ и груды наполнявшихъ его сокровищъ давали возможность осуществить гигантски разыгравшуюся фантазію Потемкина, котораго притомъ нельзя было упрекнуть въ отсутствіи художественнаго вкуса. Какіе долгіе толки въ Россіи и заграницею оставилъ по себѣ этотъ невозможно-богатый праздникъ,—этотъ апофеозъ роскоши и могущества «великолѣпнаго князя», — обошедшійся, какъ разсказываютъ, въ полмилліона рублей!

Говорятъ, что для иллюминаціи этого праздника скупили весь воскъ въ Петербургѣ и за нимъ, кромѣ того, былъ посланъ еще нарочный въ Москву. Одного этого матеріала было куплено на 70.000 р. Убранство залъ, корридоровъ и пріемныхъ представляло смѣсь азіатской роскоши съ европейскимъ изяществомъ. Болѣе двухсотъ люстръ, кромѣ имѣвшихся во дворцѣ, было взято на прокатъ въ лавкахъ. Особеннымъ великолѣпіемъ поражали двѣ громадныя залы, раздѣленныя колоннадою. Первая—танцовальная—была украшена *зеркалами, вазами*, люстрами и печами изъ лазурнаго камня; въ дру-

гой князь устроилъ огромный зимній садъ, въ которомъ для большаго эффекта разставлены были колоссальныя зеркала, обвитыя зеленью и цвѣтами. Эти зеркала отражали огни роскошной иллюминаціи. Въ саду высился храмъ съ жертвенникомъ, на которомъ стояла статуя Екатерины изъ паросскаго мрамора, съ надписью— «Матери отечества и мнѣ премилосердой»; кромѣ того имѣлись и жертвенники «благодарности» и «усердія». На лужайкѣ сада стояла пирамида, оправленная золотомъ, осыпанная драгоцѣнными камнями и украшенная вензелемъ монархини. Въ глубинѣ сада виднѣлся гротъ, на стѣнахъ и карнизахъ залъ красовались надписи: «Екатеринѣ Великой», «отъ щедротъ Великія Екатерины» и др. Чудные гобелены, сотни картинъ рѣдчайшихъ мастеровъ и драгоцѣнные ковры — въ громадныхъ количествахъ украшали эти баснословные чертоги. Тутъ были разныя диковинки и чудеса, собранныя за громадныя деньги причудливымъ княземъ: золотой слонъ съ великолѣпными часами, павлиномъ, драгоцѣнныя съ органами люстры герцогини Кингстонъ. Были нѣкоторые намеки и на злобу дня. Громадные гобелены, украшавшіе гостиную, изображали извѣстную библейскую исторію Амана и Мардохея.

Гостей на праздникъ Потемкина собралось нѣсколько тысячъ. При появленіи императрицы, князь самъ высадилъ ее изъ кареты. Гости явились въ маскарадныхъ платьяхъ; самъ Потемкинъ — въ аломъ кафтанѣ и въ епанчѣ изъ черныхъ кружевъ; его украшенная огромнымъ количествомъ брилліантовъ шляпа была до того тяжела, что ее за «свѣтлѣйшимъ» носилъ адъютантъ.

Екатерина заняла приготовленный для нея тронъ—и въ танцовальной залѣ начался балетъ (кадриль) въ двадцать четыре пары— изъ самыхъ знатнѣйшихъ дамъ и кавалеровъ, въ числѣ которыхъ были великіе князья Александръ и Константинъ. Всѣ участвовавшіе явились въ бѣлыхъ одеждахъ, украшенныхъ брилліантами на сумму въ десять милліоновъ рублей. Въ заключеніе кадрили протанцовалъ соло знаменитый въ то время балетмейстеръ Ле-Пикъ.

Музыка гремѣла, вмѣсто литавръ грохотали пушки, и съ хоръ раздавалась извѣстная пѣснь Державина:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый Россъ!

На изящно устроенномъ театрѣ даны были два балета и двѣ комедіи. Не обошлось, между прочимъ, и безъ псевдо-патріотическихъ сценъ. Во второй комедіи «Смирнскій купецъ» — продажными невольниками явились жители всѣхъ странъ, кромѣ Россіи. Глубокая иронія на нравы родной страны!

Послѣ блестящаго бала былъ сервированъ не менѣе роскошный ужинъ на 600 человѣкъ. Сотни лакеевъ и гайдуковъ, обряженныхъ въ новыя роскошныя ливреи, прислуживали гостямъ. Потемкинъ стоялъ за кресломъ императрицы, пока она не настояла, чтобъ онъ сѣлъ. Екатерина уѣхала во второмъ часу ночи. При ея выходѣ изъ залы на хорахъ дворца, подъ аккомпаниментъ органа, пропѣта была итальянская кантата, прославлявшая Екатерину:

Царство здѣсь удовольствій,
Владычество щедротъ твоихъ!
Здѣсь вода, земля и воздухъ
Дышитъ все твоей душой!

Потемкинъ, преклонивъ колѣна, въ глубокомъ умиленіи плакалъ, приникнувъ устами къ рукѣ императрицы. Въ этихъ слезахъ вылилась и благодарность за милости, и уязвленное самолюбіе человѣка, которому угрожалъ опасный соперникъ и, можетъ быть, предчувствіе недалекой кончины...

Послѣ этого волшебнаго праздника князь—главнокомандующій всѣми арміями,—вмѣсто того, чтобъ спѣшить къ нимъ, оставался въ Петербургѣ около 3 мѣсяцевъ. Носилась масса слуховъ о причинахъ долгаго пребыванія Потемкина въ столицѣ, доходившихъ до предположеній, что онъ домогался разрѣшенія основать изъ областей, отнятыхъ у Турціи, особое царство и владычествовать въ немъ подъ главенствомъ Россіи. Но для лицъ, лучше посвященныхъ въ дѣла этого времени, ясны были причины медлительности князя: его болѣе, чѣмъ миръ съ Турціей,—чѣмъ блестящія побѣды надъ визиремъ—занимала побѣда надъ Зубовымъ, который мутилъ до бѣшенства Потемкина, не терпѣвшаго соперниковъ во власти.

Могли быть и другія—мелкія—причины, которыя однако для не знавшаго предѣловъ своимъ желаніямъ князя являлись крупными. Вотъ что, напримѣръ, писалъ Завадовскій въ письмѣ къ С. Ѳ. Воронцову объ этихъ «мелкихъ» причинахъ:

«Князь, сюда заѣхавши, инымъ не занимается, какъ обществомъ женщинъ, ища имъ нравиться и ихъ дурачить и обманывать. Влюбился онъ еще въ арміи въ княгиню Долгорукову, дочь князя Барятинскаго. Женщина превзошла нравы своего пола въ нашемъ вѣкѣ: пренебрегла его сердце. Онъ мечется, какъ угорѣлый... Уязвленное честолюбіе дѣлаетъ его смѣхотворнымъ»...

Ко всему этому нужно прибавить, что съ княземъ опять случались жестокіе припадки хандры и отчаянія: у него появлялись предчувствія близкой кончины, которыя на этотъ разъ не обманули его.

Пребываніе въ Петербургѣ полководца, которому слѣдовало-бы спѣшить на югъ, давало поводы врагамъ его на жестокіе нападки,

имѣвшіе на этотъ разъ достаточныя основанія. Къ досадѣ «свѣтлѣйшаго», оставленный во главѣ арміи талантливый полководецъ князь Репнинъ, какъ-бы оттѣнилъ своею энергіею сибаритство Потемкина и его вообще медленныя предшествовавшія дѣйствія. Рядъ блестящихъ побѣдъ, изъ которыхъ главная была одержана надъ верховнымъ визиремъ при Мачинѣ 28 іюня—заставилъ даже «свѣтлѣйшаго» завидовать полководцу и вмѣстѣ злиться на него за успѣхи. Потемкинъ ясно видѣлъ, что можетъ утратить обаяніе побѣдителя въ войнѣ, которую онъ началъ, но которую могъ блестящими ударами кончить другой, принудя несговорчивыхъ турокъ, наконецъ, къ выгодному для Россіи миру; и дѣйствительно Репнинъ уже начиналъ вести мирные переговоры отъ себя.

Мѣра терпѣнія самой императрицы, наконецъ, переполнилась: Потемкинъ могъ и ее компрометтировать, оставаясь и развлекаясь въ Петербургѣ, когда наступали рѣшительные дни на югѣ, отъ которыхъ зависѣла «честь» государыни. Екатерина наконецъ черезъ Зубова или Безбородко хотѣла приказать уѣхать князю. Но никто не осмѣливался пойти къ Потемкину съ столь опаснымъ порученіемъ. Тогда, по разсказамъ современниковъ, она сама пошла и объявила князю въ рѣшительныхъ выраженіяхъ о необходимости отъѣзда въ армію. Потемкинъ долженъ былъ покориться. Раздосадованный своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ при дворѣ, тосковавшій и волновавшійся печальными предчувствіями, онъ выѣхалъ изъ Царскаго Села 24 іюля 1791 г., въ 5 часовъ утра. Вѣроятно никогда не чувствовалъ такой горечи и униженія «великолѣпный князь Тавриды», какъ въ эти первые дни своего изгнанія... Больше онъ уже не увидѣлъ столицы, бывшей свидѣтельницею его славы и могущества.

Но было-бы ошибочно полагать, что Екатерина измѣнила отношенія къ своему излюбленному другу. Она по прежнему была его благодѣтельницею. Цѣлый рядъ самыхъ ласковыхъ и ободряющихъ писемъ ея полетѣлъ за княземъ, едва онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Государынѣ нужно было только, чтобъ онъ «для славы имперіи»—уѣхалъ въ армію; но она все-таки попрежнему цѣнила его таланты и сердце. Когда донеслись до императрицы первыя вѣсти о болѣзни Потемкина, она писала ему:

«О чемъ я всекрайне сожалѣю и что меня-же столько безпокоитъ, есть твоя болѣзнь и что ты ко мнѣ пишешь, что не въ силахъ себя чувствуешь оной выдержать. Я Бога прошу, чтобъ отвратилъ отъ тебя сію скорбь, а меня избавилъ отъ такого удара, о которомъ и думать не могу безъ крайняго огорченія».

«Обрадовалъ ты меня.—писала она въ другомъ письмѣ,—прели-

минарными пунктами о мирѣ, за что тебя благодарю сердцемъ и душою. Желаю весьма, чтобъ великіе жары и труды дороги здоровью твоему не нанесли вреда, въ теперешнее паче время, когда всякая минута требуетъ новаго труда. Adieu, mon ami»!

Что болѣзнь князя страшно безпокоила государыню, видно хотябы изъ замѣтки въ дневникѣ Храповицкаго отъ 28 августа: «Получено извѣстіе черезъ Кречетникова изъ Кіева, что князь Потемкинъ очень боленъ и къ нему поѣхала Браницкая... Печаль и слезы»...

Однако, Потемкинъ, несмотря на болѣзнь, чрезвычайно быстро прискакалъ въ Яссы: въ восемь дней. Разсказываютъ, что онъ былъ страшно раздраженъ дѣйствіями Репнина; но это впрочемъ могло относиться и до условій договора, заключеннаго послѣднимъ съ турками. Во всякомъ случаѣ Потемкинъ вскорѣ призналъ заслуги Репнина и былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, такъ что не заслуживаетъ упрека въ неблагодарности къ талантливому полководцу.

Чувствуя, что болѣзнь усиливается, Потемкинъ испытывалъ мрачную и томительную тоску. Во время ея припадковъ всемогущій князь лечилъ свои душевныя раны обращеніемъ къ Божеству: къ этому времени относится составленіе имъ «канона Спасителю».

Одно время, какъ извѣстно, можно было думать, что мирные переговоры съ турками прервутся. Князь требовалъ между прочимъ независимости Молдавіи, облегченія судьбы Валахіи и уступки Анапы. Мы были страшно истощены войною, а Турція уже вновь выставила громадную армію въ 200.000 человѣкъ, стоявшую подъ начальствомъ великаго визиря на правомъ берегу Дуная, противъ Браилова. Впрочемъ, князю не суждено было дожить до мира: смерть шла скорыми шагами къ «свѣтлѣйшему».

Разныя обстоятельства увеличивали скорбь суевѣрнаго князя и еще болѣе убѣждали его въ близости кончины. Въ половинѣ августа въ Галацѣ скончался братъ великой княгини Маріи Ѳедоровны принцъ Виртембергскій. Князь былъ на похоронахъ и, когда вышелъ, по окончаніи отпѣванія, изъ церкви и приказано было подать ему карету, то вмѣсто этого по ошибкѣ подвезли погребальныя дроги: князь въ ужасѣ отступилъ. Вскорѣ послѣ этого его повезли уже больного въ Яссы. На пути туда онъ назначилъ уполномоченныхъ на мирный конгрессъ: племянника своего А. Н. Самойлова, де-Рибаса и Лашкарева. Въ Яссахъ болѣзнь его усилилась. Въ письмахъ къ Рѣпнину онъ пишетъ: «продолжающіяся мои страданія довели меня до совершенной слабости»... «Мѣсто сіе, наполненное трупами человѣческими и животныхъ, болѣе походитъ на гробъ, *нежели на оби*талище живыхъ. Болѣзнь меня замучила»...

Въ Петербургѣ, въ дворцѣ, царственная женщина слѣдила съ страшною тревогою за теченіемъ болѣзни стараго друга: читая бюллетени докторовъ, она плакала...

Къ больному пріѣхала его любимая племянница—Браницкая. Князю становилось все хуже и хуже. Хотя у него былъ цѣлый штабъ докторовъ, но «свѣтлѣйшій» не особенно любилъ исполнять ихъ совѣты. Напротивъ, Потемкинъ самъ способствовалъ усиленію болѣзни: онъ много ѣлъ, обливалъ, несмотря на жаръ въ тѣлѣ, холодною водою голову и раздражался по пустякамъ, какъ нетерпѣливый ребенокъ.

27 сентября князь изъявилъ рѣшительное желаніе уѣхать изъ Яссъ, которыя казались ему гробомъ, въ только-что отстроенный Николаевъ. Но, благодаря настоянію докторовъ, онъ еще остался на нѣсколько дней въ столицѣ Молдавіи. Передъ выѣздомъ—Потемкинъ подписалъ слабѣвшею уже рукою слѣдующее послѣднее письмо къ императрицѣ, продиктованное Попову и полученное государынею уже послѣ кончины «свѣтлѣйшаго»: «Матушка, всемилостивѣйшая государыня! Нѣтъ силы болѣе переносить мои мученія, одно спасеніе остается—оставить сей городъ, и я велѣлъ везти себя къ Николаеву. Не знаю, что будетъ со мною. Вѣрный и благодарный подданный (рукою Потемкина:) «я для спасенія уѣзжаю».

Поѣздъ съ больнымъ выѣхалъ изъ Яссъ и прибылъ на первую станцію, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ. Тамъ приготовили было пышную встрѣчу, но изъ кареты доносился страдальческій голосъ: «душно мнѣ, жарко!» Раннимъ утромъ выѣхали изъ мѣста остановки (князя сопровождала большая свита), но проѣхали только нѣсколько верстъ и больной приказалъ остановиться.

— Будетъ теперь,—сказалъ онъ,—некуда ѣхать: я умираю! Выньте меня изъ коляски: я хочу умереть на полѣ!

По другимъ разсказамъ, больной держалъ икону, лобызалъ ее, обливалъ слезами и рыдалъ, взывая: «Боже мой, Боже мой!»

Разсвѣтало. Положили коверъ, принесли кожаную подушку, уложили князя. Онъ ничего не говорилъ и стоналъ. Скоро затѣмъ, сильно вздохнувъ, протянулся и его не стало... Казакъ изъ конвойныхъ первый сказалъ, что князь отходитъ, и умиравшему закрыли глаза на вѣчный сонъ грязными мѣдными монетами...

Вотъ вдохновенные стихи Державина изъ его «Водопада» на смерть князя:

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище—чресла,

Двѣ лепты—покрываютъ очи;
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ, отверсты!
Чей одръ—земля, кровъ—воздухъ синь,
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты-ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты-ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

Впечатлѣніе отъ неожиданной кончины князя было необыкновенно. Императрица провела нѣсколько дней въ слезахъ и отчаяніи; ей принуждены были бросить кровь. Графъ Эстергази писалъ своей женѣ около этого времени: «Со смертью Потемкина все облечено здѣсь скорбію. Императрица ни разу не выходила; эрмитажа небыло; она даже не играла въ карты во внутреннихъ покояхъ». Въ письмахъ къ Гримму и другимъ лицамъ и въ разговорахъ Екатерина высказывала искреннюю и глубокую скорбь о почившемъ и о невозможности замѣнить его другимъ дѣятелемъ. Но большинство лицъ, окружавшихъ ее, были довольны смертью Потемкина. Въ числѣ послѣднихъ считались и коронованныя особы, какъ Станиславъ Понятовскій, боявшійся замысловъ могущественнаго князя на Польшу.

Какъ-же впрочемъ было не радоваться придворнымъ, если даже, по словамъ Массона, не панегириста князя, это былъ человѣкъ необыкновенный, исполинъ, заслонявшій собою всѣхъ. «Онъ созидалъ или разрушалъ,—говоритъ Массонъ,—или спутывалъ все, но и оживлялъ все. Когда отсутствовалъ, только и рѣчей было, что о немъ; появлялся—и глядѣли исключительно на него одного. Вельможи, его ненавистники, игравшіе нѣкоторую роль въ бытность его въ арміи, при его появленіи, казалось, уходили въ землю, уничтожались при немъ»...«Что касается меня,—писалъ С. Р. Воронцову Ростопчинъ,—то я восхищаюсь тѣмъ, что день смерти его положительно извѣстенъ, тогда какъ никто не знаетъ времени паденія Родосскаго колосса».

Говоря словами принца де-Линь, въ характерѣ князя было много исполинскаго, романтическаго и варварскаго. Смерть его произвела громадный пробѣлъ въ Имперіи и смерть эта была такъ же необыкновенна, какъ и вся его жизнь. Понятно, что сосѣдство такого гиганта для людей, обладавшихъ только пороками «свѣтлѣйшаго» безъ его дарованій, было невыгодно.

«Древо великое пало: былъ человѣкъ необыкновенный!» Говоритъ о немъ Московскій митрополитъ Платонъ.

Вотъ письмо Екатерины къ Гримму—великолѣпное надгробное

слово «свѣтлѣйшему»: «Страшный ударъ разразился надъ моею головою,—писала государыня,—мой ученикъ, мой другъ, можно сказать, мой идолъ, князь Потемкинъ-Таврическій—умеръ... Это былъ человѣкъ высокаго ума, рѣдкаго разума и превосходнаго сердца... Имъ никто не управлялъ, но самъ онъ удивительно умѣлъ управлять другими»...

Рады были смерти «свѣтлѣйшаго» и родственники, получившіе отъ него колоссальное наслѣдство въ десятки милліоновъ и неисчислимыя художественныя сокровища. Но эти наслѣдники были до того жадны, что просили не разъ Екатерину и даже Павла I о сложеніи долговъ почившаго казнѣ, которыхъ князь оставилъ на громадныя суммы.

Многое было прощено памяти покойнаго! Императрица приказала признать счеты по турецкой войнѣ законченными, хотя тамъ на самый худой конецъ недоставало многихъ милліоновъ и даже было ясно, что эти милліоны перешли въ карманы такихъ креатуръ князя, какъ Поповъ, Фалѣевъ и др Долгъ въ 700.000 р. банкиру Сутерланду былъ уплаченъ государынею, замѣтившею при этомъ, что князь «многія надобности имѣлъ по службѣ и нерѣдко издерживалъ свои деньги».

Хотя императрица скорбѣла первое время, но потомъ постепенно утѣшилась. Она издала по поводу смерти Потемкина пышный манифестъ и приказала изготовить грамоту съ перечисленіемъ всѣхъ его подвиговъ. Эта грамота хранилась въ соборной церкви Херсона, гдѣ также приказано было соорудить мраморный памятникъ Таврическому.

Послѣ смерти князя въ степи, трупъ его привезли въ Яссы, откуда послѣ пышной церемоніи доставили въ Херсонъ, гдѣ его поставили въ подпольномъ склепѣ церкви св. Екатерины. На мѣстѣ кончины «свѣтлѣйшаго» воздвигнутъ былъ памятникъ. Но въ судьбѣ «великолѣпнаго князя Тавриды» все было необыкновенно—и впослѣдствіи воздвигнутый Потемкину въ церкви Херсона памятникъ былъ уничтоженъ, а склепъ засыпанъ землею.

Послѣднее, что было сдѣлано съ останками «свѣтлѣйшаго»—это изслѣдованіе ученой коммиссіи, снаряженной въ 1873 г. Одесскимъ обществомъ исторіи и древностей. Она нашла въ могилѣ Потемкина ящикъ, въ которомъ лежалъ черепъ; на затылкѣ этого черепа виднѣлись клочки темнорусыхъ волосъ; кромѣ того въ ящикѣ лежало нѣсколько костей. Въ склепѣ нашли еще части деревяннаго и свинцоваго гробовъ, остатки позументовъ и гробовыя скобы, а

также три шитыя канителью орденскія звѣзды первой степени: Андрея, Владиміра и Георгія. Вотъ все, что осталось отъ «великолѣпнаго князя Тавриды», изумлявшаго міръ своею роскошью и могуществомъ! Не забудемъ сказать, что въ Херсонѣ, которому далъ жизнь «свѣтлѣйшій», послѣднему на повсемѣстный въ Россіи сборъ воздвигнутъ въ 1836 г. памятникъ.

Итакъ, въ глухой степи, въ туманный часъ разсвѣта, на грубой кожаной подушкѣ, въ страданіяхъ, кончилъ свою бурную жизнь этотъ необыкновенный человѣкъ, надѣленный большими дарованіями, но и утопавшій въ колоссальныхъ порокахъ, державшій въ своихъ рукахъ судьбы отечества и сосѣднихъ странъ. Его необузданная натура не хотѣла знать и не знала препятствій. Въ тотъ вѣкъ, когда вообще слишкомъ мало цѣнилось «пушечное мясо», онъ производилъ безъ содроганія свои колоссальные опыты, стоившіе огромныхъ жертвъ государству. Но и на этой почти недоступной для смертныхъ высотѣ могущества его душа, пресыщенная развратомъ, утомленная почестями, испытывала невыносимую тоску и искала обновляющаго начала: отъ грубыхъ сценъ разврата онъ переходилъ къ сентиментальной, платонической любви и вѣрилъ въ «нравственное сродство» душъ или сочинялъ умилительный «канонъ Спасителю». Во всякомъ случаѣ это была личность не изъ мелкой породы. Громадныя достоинства въ немъ стихійно перемѣшивались съ отвратительными пороками. Но когда представляешь себѣ эту гигантскую личность во всемъ ея ужасающемъ величіи, то ясно видишь, что такія явленія возможны только на почвѣ разнузданныхъ инстинктовъ, не сдерживаемыхъ никакими нравственными «началами». Великолѣпный князь Тавриды до извѣстной степени походилъ на тѣ гигантскіе болотные цвѣты, которые поражаютъ своею величиною, гордымъ и прекраснымъ видомъ, но ихъ чашечки заключаютъ ядовитый сокъ и подъ этими цвѣтами копошатся нерѣдко гады и змѣи. Таковъ былъ и Потемкинъ.

КОНЕЦЪ.

